

Оригинальный триллер о смелом медицинском эксперименте, который пошел наперекосяк. История о силе любви и хрупкости человеческой личности. **HALLANDS-POSTEN**

ОСА ЭРИКСДОТТЕР

Фаза 3

РОМАН

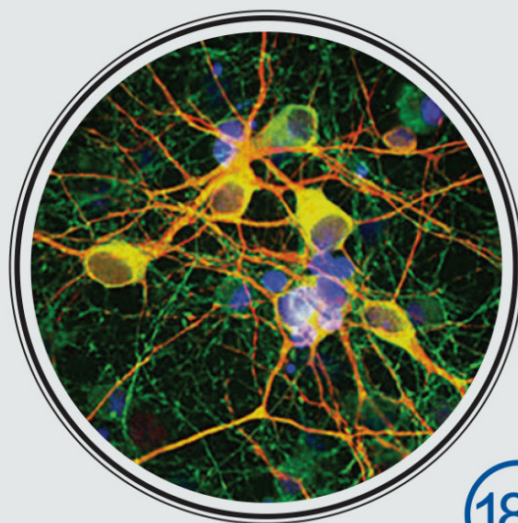
NEW

RE-COGNIZE

ЧУДОДЕЙСТВЕННОЕ ЛЕКАРСТВО
ПРОТИВ БОЛЕЗНИ АЛЬЦГЕЙМЕРА

Мировая сенсация! Лаборатория Эндрю Нгуена совместно с Институтом Герберта Гассера в Нью-Йорке синтезировали молекулу рибонуклеиновой кислоты, которую встраивают в нейтральный вирус. Задремавшая микроглия просыпается и начинает разрушать тау-белок, образующий в нейронах нейрофибрилярные клубки. При этом ожидается восстановление когнитивных возможностей. Программу так и назвали — RE-COGNIZE.

Повторное узнавание.

18+

КРОВАВАЯ БОЙНЯ В IKEA

9 ПОГИБШИХ И 11 РАНЕНЫХ
НАПАДАВШИЙ УБИТ
ВЫСТРЕЛОМ ПОЛИЦЕЙСКОГО

77-летний убийца
приобрел оружие легально
по лицензии

Внимание! Не помещать других
животных в клетку с пометкой
“СКЛОННОСТЬ К АГРЕССИИ”

Невероятно захватывающая книга на очень важную тему. Автору удалось описать проблемы, связанные со старением мозга так, что оторваться буквально невозможно. Тот редкий случай, когда энергичный триллер еще и просвещает. **POLITIKEN**

Оса Эриксдоттер

Фаза 3

«Фантом Пресс»

2022

УДК 821.113.6
ББК 84(4Шве)

Эрикسدоттер О.

Фаза 3 / О. Эрикسدоттер — «Фантом Пресс», 2022

ISBN 978-5-86471-944-2

Новый роман автора “Бойни”. Очень оригинальный триллер о медицинском эксперименте, который пошел наперекосяк, а также история о любви и о хрупкости человека. Биохимик Селия Йенсен в составе команды исследователей работает над новым лекарством от болезни Альцгеймера. Фармакологи полны оптимизма, они уже запустили клинические испытания на больных. И результаты поразительные. Если испытания пройдут успешно, это будет революционным прорывом в лечении страшной болезни. Но в это же время происходит серия необъяснимых актов насилия. И во всех случаях главными действующими лицами выступают пожилые люди. Связаны ли преступления с новым лекарством или это совпадение? И как быть, если препарат и в самом деле имеет столь ужасные побочные проявления? Ведь лекарство действительно чрезвычайно эффективно, а случаи насилия единичны... Или же за происходящим кроется что-то совсем иное?

УДК 821.113.6
ББК 84(4Шве)

ISBN 978-5-86471-944-2

© Эрикسدоттер О., 2022
© Фантом Пресс, 2022

Содержание

Часть первая	7
* * *	7
* * *	12
* * *	19
* * *	24
* * *	28
* * *	35
* * *	39
* * *	45
* * *	49
* * *	52
* * *	55
* * *	59
* * *	61
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Оса Эриксдоттер

Фаза 3

Посвящается памяти моего отца Ханса Э. Эрикссона

Старость не для неженек.
Бетт Дэвис

ÅSA ERICSDOTTER
FAS 3

© 2022 Åsa Ericsson
First published by Bokforlaget Forum, Sweden

Опубликовано с согласия Nordin Agency AB, Sweden

© Сергей Штерн, перевод, 2023
© Андрей Бондаренко, 2023
© “Фантом Пресс”, издание, 2023

ЧЕТВЕРО ПОГИБШИХ В ДОМЕ ПРЕСТАРЕЛЫХ

Газета “Бостон глоуб”

ХАЛЛ, МАССАЧУСЕТС. Один из обитателей дома престарелых “Кулик” нанес смертельные ножевые ранения четверым пациентам этого же учреждения. Сигнал тревоги был получен в местной полиции в 6:30 утра в четверг. Первый труп обнаружен дежурной сестрой, она немедленно вызвала полицию.

Как сообщает полиция Халла, окровавленная одежда и оружие убийства – кухонный нож с длинным лезвием – найдены в комнате одного из пациентов. При задержании тот спокойно спал.

Согласно предварительному заключению, велика вероятность, что именно тот, у кого найден нож, и совершил преступление, – так, во всяком случае, заявил Сал Валехо, пресс-секретарь полиции в Халле.

В данный момент место преступления оцеплено для технического осмотра.

Дом престарелых “Кулик” – небольшое частное заведение на десять мест. На момент преступления в доме проживали восемь человек. Охрана не предусмотрена.

– Мы все потрясены, – сказала заведующая Нэнси Итон. – Немыслимая трагедия, весь город в шоке.

Две сестры, дежурившие ночью, вертолетом “скорой помощи” доставлены в госпиталь с тяжелой психической травмой.

Подозреваемый – 86-летний мужчина из Массачусетса. Никакого криминального прошлого. Помещен в тюрьму Плимут Каунти без права залога.

Личные данные предполагаемого преступника и жертв пока не публикуются. Мотив массового убийства на этот момент неясен.

* * *

КОМУ: Селия Йенсен <celia.jensen@neuro.mgh.harvard.edu>;
Эндрю Нгуен <andrew.nguen@neuro.mgh.harvard.edu>; Мохаммед Зедак
<mohammed.zedak@neuro.mgh.harvard.edu>

ДЛЯ ОЗНАКОМЛЕНИЯ

Помещение	1003
Ряд	A
Клетка №	116512
Животные, получившие повреждения / пол	3 из 4, самцы
Общее состояние	Раны от укусов, кровопотеря

ПРИОРИТЕТНАЯ ИНФОРМАЦИЯ

Принятые меры	Изоляция
Дата	3 октября
Время	09:30

Два подопытных животных умерли. Одна раненая мышь помещена в отдельную клетку. Рекомендация дежурного ветеринара: усыпить.

ВНИМАНИЕ!

Не помещать других животных в клетку с пометкой “СКЛОННОСТЬ К АГРЕССИИ”.
Ветеринарная группа

Часть первая

* * *

- Как вас зовут?
- Роберт.
- Фамилия?
- Маклеллан.
- Какой сейчас месяц?
- Январь.
- День?
- О... – Маклеллан почесал затылок. – Э-э-э... точно не скажу.
- Четвертое января. Четвертое.

Роберт Маклеллан сидел на стуле в диагностическом отделении на третьем этаже госпиталя Масс Джeneral в Бостоне рядом с Гейл. Белая блузка, парчовая юбка, легкий кашемировый кардиган. На шее две тонкие золотые цепочки. Она то и дело машинально трогала их рукой, будто проверяла, на месте ли подвески: маленькая “счастливая” монетка и сердечко с бриллиантами. Гейл не спускала глаз со своего мужа.

- Возраст? Сколько вам лет?
- Семьдесят... – засомневался было Маклеллан, но тут же уверенно сообщил: – Семьдесят шесть.
- Как зовут вашу жену?
- Э-э-э...
- Роберт!
- Ничего страшного, миссис Маклеллан. – Врач предостерегающе поднял руку и улыбнулся. – Пожалуйста, не вмешивайтесь. И не волнуйтесь так, очень вас прошу.
- Простите. Я только... – Она растерянно покачала головой. – Обычно он не такой, как сейчас...

– Разумеется, – согласился доктор. – Совершенно новая, необычная ситуация. Кто угодно растеряется. У нас будет время поговорить об этом чуть позже.

- Гейл! – с облегчением воскликнул Роберт. – Мою жену зовут Гейл!

Доктор одобрительно кивнул и как ни в чем не бывало продолжил:

- А сейчас надо всего-навсего заполнить анкету.

Гейл опустила глаза и почувствовала, как от смущения загорелись щеки. Покрутила золотой замок на лежащей на коленях маленькой сумочке. “Фенди”, оригинал. Совсем новенькая, между прочим. В прошлое воскресенье нашла на распродаже в галерее Копли и была счастлива всю неделю. Роберт теперь покупает такие странные рождественские подарки...

Доктор не сдавался. *Сколько центов в никеле? Вы покупаете что-то за тринадцать долларов и даёте двадцатидолларовую купюру. Сколько вам должны вернуть?*

Гейл стиснула зубы.

- Что это за животные? – Доктор указал ручкой на три контурных рисунка.
- Лев. Лев и...

Роберт и в самом деле в последнее время был не в себе, но то, что происходит сейчас... Возможно, повлияла больничная обстановка. Или не выспался: все чаще, просыпаясь ночью, она обнаруживала, что Роберта рядом нет. Обычно она находила его в гараже. Никуда не собирався ехать – просто сидел за рулем. А вчера ночью она проснулась от грохота. Бросилась в

гостиную – оказалось, в темноте он наткнулся на журнальный столик и опрокинул красивую французскую лампу. Весь пол в фарфоровых осколках, склеить невозможно.

– Носорог.

Она посмотрела на мужа. Седые, да что там – совершенно белые волосы красиво зачесаны назад. Светло-голубая сорочка, подтяжки. Утром побрился, она видела. Кожа на шее стала дряблой, возрастная пигментация на лбу. И что? Все-таки далеко за семьдесят. Ну нет, надежда не потеряна. Есть новые лекарства – так, по крайней мере, сказал их домашний врач.

Доктор написал что-то в компьютере.

– Я прочитаю сейчас несколько слов, Роберт. Если можете, повторяйте за мной.

Она так устала от всех этих скитаний по врачам. Сама Гейл за всю жизнь провела в больнице всего лишь одну ночь. Детей у них нет и не было. А Роберт вообще никогда ничем не болел.

Раньше был полноват. Не критически, но все-таки лишний вес. А теперь похудел – разве плохо? И липидемии нет: насыщенные жиры если и превышают норму, то совсем чуть-чуть. Раньше считалось – нельзя есть много яиц, а он всю жизнь ел яйца по десятку в день. И ничего. Теперь говорят – все это глупости, насчет яиц. А некоторые даже советуют: яйца, яйца, яйца. Как можно больше яиц.

Ей и самой было с чем сражаться – щитовидка. То гипотиреоз, то гипертиреоз, то одно, то другое. Все слова выучила, но уже несколько лет капризная железа вообще не дает о себе знать, даже таблетки пить перестала. Короче, до поры до времени жизнь миловала их обоих.

Гейл посмотрела на часы. Всего десять минут прошло, а такое ощущение, что больше часа.

– Лицо, – бубнил Роберт. – Бархат. Церковь. Подсолнечник.

Она накрутила на руку кожаный ремешок сумочки. К элегантной черной “Фенди” прилагалась тонкая золотая цепочка для ношения через плечо, очень подходящая к ее цепочкам с необычными подвесками. Вообще говоря, эта сумочка ей не нужна. Сумок у нее хватало. Да и ходить с ней некуда – вот уже полгода они безвылазно сидели в доме на Честнат-Хилл и разговаривали только друг с другом. Но почему не доставить себе удовольствие, тем более за полцены?

Разговаривали друг с другом... Нет, не так. Разговаривала она, а Роберт сидел в своем кабинете с открытой на одной и той же странице газетой.

Мысли Гейл переключились на загородный дом, и она опять взглянула на часы. Надо позвонить дизайнеру по интерьерам насчет новой кухни. Эта дама из архитектурного бюро буквально завалила ее предложениями – поняла, что клиент за деньгами не постоит. Дорого, но плевать. Может, в этом году они смогут переехать туда пораньше. Роберту наверняка полезно подышать свежим морским воздухом. Вчера она рассматривала дизайнерские предложения целый вечер. Кухонный остров с мраморной рабочей поверхностью выглядел очень заманчиво, но зачем им такой большой? Пусть будет поменьше, а мрамор подороже – и глазу приятно, и больше воздуха. Все-таки дом летний, зимой они там не живут. Разделочный стол – ясеневый, очень дорогой, но Гугл безапелляционен: лучший материал – ясень. Лучше дуба или даже бука.

Сегодня же позвоню, решила Гейл. Дождусь, когда Роберт приляжет после ланча, и позвоню. Договорюсь с дизайнером. Картинки картинками, но надо съездить вместе с этой дамой на место и посмотреть своими глазами, послушать ее доводы. Обязательно съездим, как только стихнут дожди.

Ей вдруг страшно захотелось на дачу. Зима была ужасной – морозы, каких давно не видели. Казалось, она никогда не кончится, эта зима. Рекордно низкая температура и снегопады чуть не каждый день. К тому же Роберт все глубже и глубже погружался в себя, замыкался в невидимом коконе равнодушия.

А этот чудесный дом на Кейп-Код! Как он греет душу...

Они купили его двадцать лет назад. Коллега Роберта по адвокатской конторе пригласил их в гости. Большая вилла на побережье. Плавательный бассейн, несколько флигелей – настоящее поместье. Прогулялись по пляжу, а по пути назад в глаза бросился двухэтажный белый дом с табличкой “Продается” – и телефонный номер маклера.

В тот же день маклер показал им дом. Дом, конечно, великоват для летней дачи и без вида на море. Но именно из-за этого чуть не вдвое дешевле. Это во-первых. А во-вторых, Гейл влюбилась в него с первого взгляда.

И с тех пор они проводили здесь каждое лето. Гейл приезжала уже в мае и дожидалась Роберта – он, как правило, появлялся четвертого июля, в День независимости. Запирал их дом в Бостоне и приезжал в Труру. Роберту никогда не хватало терпения существовать в отрыве от цивилизации больше чем три-четыре недели, особенно в те годы, когда у него все еще была фирма. А Гейл ничего не имела против такой изоляции. Ей было чем заняться. Благодаря ее стараниям участок в четверть гектара уже в первые несколько лет превратился в элегантный мини-парк. Само собой, следить за этим хозяйством было нелегко, она почти целыми днями возилась в саду. Жаловалась, сердилась, но тяга к усовершенствованиям была неодолимой. Видимо, в роду ее были крестьяне и земледельцы – почти каждый, кто попадал в ее владения, произносил одну и ту же фразу: “Вы родились с зелеными пальчиками, Гейл”. Ее пионы у веранды вызывали всеобщее восхищение. А что говорить о полуметровом декоративном луке с сиреневыми шарами соцветий позади кизильных кустов. Плетистые розы карабкаются по шпалерам с таким усердием, будто ищут встречи с Всевышним.

Но красота обманчива. Чтобы ее поддерживать, требуется немало усилий. Две недели без ухода – и белые корни лютика опутывают кусты шиповника, как удавчики; иногда ей кажется, что если хорошенько присмотреться, можно заметить их неуклонное движение. А сладко-горький паслен будто дожидается удобного случая, чтобы задушить сирень. Иногда опускались руки. Почему бы не остановиться? Природа сама знает, кому суждено распорядиться эволюцией в свою пользу, а кому нет. Почему бы не оставить все как есть? Но есть и другая точка зрения: да, все верно, природа самодостаточна, но беда в том, что ты уже вмешался в естественный цикл. А уж если вмешался, надо продолжать, экологический баланс нарушен, ты уже пошел против воли природы. И Гейл работала с утра до ночи. Не успеешь закончить прополку одного участка, тут же выясняется, что и соседний успел зарости сорняками. Посадить деревце можно, но будь готова посвятить осень рыхлению, подкормке и обрезке. *Вещи, которыми ты владеешь, в конечном счете владеют тобой*, со вздохом повторяла она. Гейл очень любила такого рода максимы, хотя вся ее жизнь свидетельствовала: это преувеличение. Вряд ли она находится во власти двух домов и трех дорогих авто. Скорее наоборот.

– Возьмите бумагу в руки, согните пополам и положите на колени.

Роберт взял бумагу обеими руками и посмотрел на Гейл, ища поддержки. Она ободрительно кивнула и тут же оглянулась на врача – может, и кивать нельзя?

Ее муж выглядел как ребенок, которому предложили сложить бумажный самолетик, а он не знает, как взяться за дело. Было что-то безнадежное в его взгляде.

Доктор повторил предложение. *Согните пополам и положите на колени.*

Роберт подумал немного, сложил лист пополам, выровнял ногтями и положил на колени.

– Великолепно, блестяще. – Врач повернулся к дисплею компьютера и пощелкал по клавиатуре. Дождался, пока распечатка выползет из принтера, и протянул бумагу Роберту. – Итак, вы к нам обратились по рекомендации... – он опять глянул на дисплей, – доктора Гилберта, не так ли?

– Да-да, совершенно верно, – подтвердила Гейл. Гилберт был их домашним врачом.

– Полагаю, он рассказывал о нашей работе?

– Вы имеете в виду новый препарат?

– Да, речь о нем. Клинические испытания. Мы, само собой, на этой стадии пока не полагаем надежными результатами. *Пока...* – со значением повторил он, растопырил пальцы и покрутил в воздухе – наверное, нет другого жеста, так точно выражающего неопределенность. – Никаких официальных гарантий, если можно так сказать. Мы сейчас в третьей фазе. Но это неслыханно интересное и обнадеживающее исследование.

– Мы в нашем положении готовы пробовать любые средства. Мы... – Гейл услышала собственные слова и растерялась – сообразила, что никогда и ни с кем про это не говорила. – Мы... скажите правду, доктор, – мы в конце пути?

Доктор наклонился вперед и сочувственно кивнул.

– Вы, должно быть, очень устали, – сказал он участливо. – Вам кто-нибудь помогает?

Она прикусила губу, словно от внезапной боли.

– У вас нет детей?

– Нет.

– Братья, сестры, с которыми вы можете поделиться? Близкие друзья?

Она молча покачала головой – побоялась, что дрогнет голос. Никого. Одна во всем мире. Она – и эта жуткая болезнь, отнимающая у нее последнее.

Доктор серьезно кивнул.

– Тогда сделаем так. – Он посмотрел на Гейл, потом на Роберта. – Я запишу вас в группу добровольцев. Через неделю-другую вас пригласят на магнитно-резонансное сканирование. Испытания начались еще осенью, но набор добровольцев продолжается. Разработчики по-прежнему приглашают пациентов для участия. И знаете что, Гейл? Вам тоже нужна помощь. Дневной стационар, помощь в хозяйстве. Группы поддержки. Вам надо с кем-то разговаривать, делиться. Что бы там ни говорили – это тяжелый диагноз. В одиночку справиться трудно.

Гейл заставила себя улыбнуться. Неужели он решил, что она собирается расплакаться? Ну нет. И никаких групп ей не нужно. Нужно только одно – поскорее начать лечение и перевернуть эту страницу.

Доктор встал. Дал понять: прием закончен.

– Вам позвонят из исследовательской группы и назначат время. Руководит лабораторией доктор Эндрю Нгуен. Блистательный ученый. Клинический центр в Чарлестоун, Нэви-Ярд. Вы ведь живете поблизости?

Гейл тоже поднялась.

– Честнат-Хилл.

– Превосходно. Значит, так... Пройдите в приемную, к вам выйдет медсестра с направлением, выпиской и кое-какими материалами. Дождитесь ее, пожалуйста.

Гейл поблагодарила, одернула юбку, повесила на плечо сумку и протянула руку Роберту. Роберт довольно долго молчал, сохраняя странное выражение лица, потом неохотно встал.

Понимает ли он, что происходит? Стыдится? Или это гримаса отчаяния?

Боже, как же это случилось? Роберт был самым умным мужчиной из всех, кого она встречала. Не было ничего, чего бы он не умел. Перерыл все дела в адвокатском бюро, помнил наизусть все прецеденты, законы, уложения и поправки. Прочитал все книги, которые стоило прочитать. Провез ее по запутанным дорогам в Апеннинах, ни разу не заблудившись. Заказывал ужины из пяти блюд на безукоризненном французском в лучших ресторанах Парижа, при этом так непринужденно, что ни один официант даже не заподозрил, что перед ним не французский гурмэ. Блистательный интеллект. Гейл часто вспоминала игривую шифровку в кроссворде: самый эротичный орган мужчины, четыре буквы. Правильный ответ – мозг. И вот – жалкий, растерянный, непохожий на себя. Не может нарисовать стрелки на часах.

Он же наверняка и сам все понимает.

Понимает ли? Как спросить?

Прожили вместе всю жизнь, все переговорено, но как найти нужные слова, когда он явно не в себе? Апатия, немотивированные припадки гнева, необъяснимые фразы и поступки.

Врач проводил их до двери. Сочувственно глядя в глаза, пожал руку.

– Держитесь!

Чуть ли не каждый ее знакомый, прощаясь, произносил это слово. *Держитесь...* Жизнь внезапно стала напоминать роман Стивена Кинга.

– Попробуем...

Они прошли по коридору в комнату ожидания. Гейл надела свою меховую шубку, сняла с вешалки куртку Роберта. Ждать не пришлось – не успели одеться, появилась медсестра и вручила пачку тонких брошюр. “Десять советов родственникам”, “Жизнь в новых условиях”, “Дневная программа миссии Орхарда: дом вне дома”... Гейл свернула их в трубочку и засунула в сумку.

– Едем домой.

Роберт вяло кивнул и послушно двинулся за ней.

* * *

Было необычно темное и холодное утро. Селия Йенсен повесила свой пепельно-серый английский дафлкот на спинку конторского стула, и стул слегка качнулся назад. Дафлкот она купила в секонд-хенде несколько недель назад. Толстый, из чистой шерсти, уютный капюшон – если верить этикетке, идеально подходит для суровой зимы. Но, очевидно, Новая Англия намного холоднее Старой, где сшили это пальто. Селия все время мерзла.

Немного согревшись, сняла и надетую для тепла вязаную кофту, одернула черную футболку. Глянула в зеркало – неплохо. Светлые волосы заплетены в косу, черные джинсы, нарочито брутальные башмаки *Dr. Martens*, футболка подчеркивает красивую грудь. Селия посмотрела на часы. Где-то, в нормальном мире, солнце наверняка готовится к восходу, а здесь небо серо-фиолетовое, почти свинцовое. Вот-вот опять начнется снегопад. Так, по крайней мере, сказал водитель маршрутки между Массачусетским госпиталем и огромным биомедицинским центром в Нэви-Ярд, когда-то в этом здании помещалась судоверфь. Ну что, господа либералы? Где ваше глобальное потепление? Даже старожилы такого не помнят. К метровым сугробам за эту неделю прибавилась еще пара дециметров. Интересно, сколько надо выпить, чтобы такой рекорд обрадовал? Обычно пустая в рабочее время парковка под окнами ее дома на Бикон-Хилл забита погребенными под снегом машинами. Владельцы отчаялись откапывать. А может, хватает денег на такси. На работу такси, с работы такси – можно разориться.

Надо бы позвонить кому-то – отцу уже не под силу то и дело разгребать снег. Хотя на Кейп-Код выпало не так много снега, как здесь, но, как назло, именно в этом году он не стал устанавливать отвал на садовом пикапе. Вызвать снегоочиститель сейчас или подождать, пока прекратится снегопад? Наверное, лучше подождать – вряд ли отец соберется куда-то выходить. Пусть посидит дома, так спокойнее.

– Доброе утро!

В двери появился Мохаммед. Улыбка такая, что видны все тридцать два белоснежных, идеально ровных зуба. Хотя у Мохаммеда наверняка больше. Тридцать шесть, а может, и все сорок. Волосы мокрые – только что из душа. Все как всегда: сорокаминутная пробежка от дома в Бруклайне, потом душ – и все равно на работе раньше других.

– Где ты видишь утро? – буркнула Селия и с завистью посмотрела на бумажный стаканчик в руке у Мохаммеда. – Мне бы тоже неплохо выпить кофе.

– Сто раз успеешь. Даже перекусить, не только выпить кофе. Пациент придет не раньше восьми.

– А Эндрю уже здесь?

– Внизу, в лаборатории.

– Ты говорил с техником?

– Конечно. – Он вытянулся и отдал честь: – Магнитный резонанс к резонированию готов.

– А радионуклидная лаборатория? Индикатор получили?

– Все готово. Получил и расписался.

– Ты все сделал за меня... спасибо.

– Иди в кафетерий. И сэндвич возьми, не разоришься. – Мохаммед улыбнулся. – Увидимся на пропускном пункте... – он глянул на часы, – без пяти.

Повернулся и исчез.

Мохаммед получил место лаборанта в Гарвардской лаборатории нейродегенеративных заболеваний два года назад. А когда закончились эксперименты на мышах и прибыли первые десять добровольцев, оказалось, что этот парень незаменим – аккуратный, неугомонный, исполнительный. К тому же легкий и спокойный характер. Даже доктор Нгуен относился к нему с симпатией, а это говорит о многом – тех, кто хотя бы раз не поссорился с Нгуеном,

можно пересчитать по пальцам. Все было бы хорошо. Но Мохаммед твердо решил: к осени увольняется и поступает на медицинский факультет, учиться на врача. Собственно, никакой новости – он делился планами с самого начала. На скромной должности лаборанта мало кто задерживается. Все так, но Селия то и дело с грустью представляла, как ей будет не хватать этого чудесного парня. Вряд ли они найдут ему полноценную замену. Редкое сочетание: профессионализм и природное дружелюбие. Он стал ей настоящим другом, а широким кругом друзей Селия никак не могла похвастать.

И еще: необычный проект требовал сочетания качеств, которые и по отдельности-то встречаются довольно редко. Мохаммеду каким-то непостижимым образом удавалось компенсировать хронический стресс доктора Нгуена. Из-за постоянно поджимающих сроков все чувствовали себя как под занесенным кнутом, а он только плечами пожимал. Надо – значит, надо. И при работе с добровольцами он был просто незаменим. В клаустрофобическом тоннеле магнитно-резонансной камеры многие впадали в панику – и тогда звали Мохаммеда. Он брал микрофон, произносил несколько слов, и пациенты успокаивались. При этом он не говорил ничего особенного – похоже, на них просто действовал его ласковый баритон с легким арабским акцентом.

Возможно, он тайный йог. Или доула¹. И то и другое – постоянный предмет для шуток.

Мохаммед делил квартиру с двумя парнями его возраста. Из всей группы только Селия имела такую роскошь, как отдельная квартира. Хотя квартирой ее жилище назвать было трудно – девятиметровая комнатуха, туалет с душем и кухонный угол. Но все-таки отдельная. Цены на жилье в Бостоне совершенно заоблачные. Конечно, помимо аскетической миниатюрности, был и другой недостаток: дом расположен прямо над станцией метро “Массачусетский госпиталь”. То и дело доносится ржавый рев тормозов построенных лет пятьдесят назад вагонов, не говоря уж о бесконечном вое сирен машин “скорой помощи”. Но Селия не была избалована. Наоборот, она чувствовала себя привилегированной особой – все-таки собственная квартира на Бикон-Хилл, жемчужине Бостона. Пара минут до остановки автобуса в Чарлстоун, а до госпиталя – улицу перейти.

Бруклайн по сравнению – жалкий пригород. Она была у Мохаммеда на вечеринке, как раз перед Рождеством.

Один из его соседей – долговязый немец, постдок, пишущий диссертацию о шелковичных червях. Другой – поляк, физик с длинными непокорными волосами, собранными в конский хвост. Чересчур богемный, по мнению Селии, но нельзя не признать – обаятельным европейским манерам противостоять нелегко. Ему пришлось проводить ее через весь город, и они так долго целовались у входа в метро, что пропустили последний поезд.

Но это так, случайный эпизод. Селия отнесла его к категории “непредусмотренные небрежности”. Он прислал ей несколько эсэмэсок, но она не стала отвечать, хотя, если честно, не возражала бы встретиться с ним опять. И вовсе не сожалела об этих поцелуях, об этой *непредусмотренной небрежности*. Вечеринка удалась на славу, возбуждение держалось всю ночь, а возможно, и на следующий день – она все время задумывалась и потом ловила себя на мелких просчетах.

Но нет. Для любовных походов у нее нет времени. Эта вечеринка была единственной за весь год, а может, и больше. И не только из-за работы – почти все время уходило на отца. И ведь будет только хуже.

Селия прошла через коридор к кофейному автомату и наткнулась на Эсте, молодую аспирантку из Канады. Если судить по малиновому худи и забавному пучку волос на затылке, больше пятнадцати не дашь, хотя Эсте далеко за двадцать.

---

¹ Человек, оказывающий психологическую помощь в трудных жизненных ситуациях (роды, выкидыш, потеря близких и т. д.). – *Здесь и далее примеч. перев.*

– Спустишь, помогу Мо, – прошептала она и бросила пустой стаканчик в корзину. – Увидимся.

Селия осталась одна. С наслаждением отхлебнула из стаканчика – в этой машине кофе намного лучше, чем в старой. Кто-то прилепил плакат по случаю недавно введенного национального Дня медика: “ДА ЗДРАВСТВУЕТ ЖИЗНЬ! ДА ЗДРАВСТВУЮТ ВРАЧИ!” Конечно же, она слышала и про национальный День пончиков, и про национальный День блинчиков, а в проводимом ежегодно *Ben&Jerry* Дне бесплатного фунтика даже приняла участие: наелась мороженого до отвала. Мохаммед вообще не мог остановиться, пока она его не оттащила. Но День медика – это что-то новое. И что? Никто и не заметит, если не раздавать бесплатные угощения. День медика – и дармовые лакомства? Как же! Не дождетесь.

Еще объявление: лаборатории альгологии² требуются добровольцы для апробации нового метода лечения тиннитуса³. Двести пятьдесят долларов за участие – необычная щедрость. Наверное, не так уж у многих шумит в ушах. Или шумит, но не настолько, чтобы пробовать новые методы на себе. С другой стороны, постпандемическая экономика ударила по карманам населения довольно сильно – кто-то наверняка клюнет. Правда, не очень ясно, почему лечением шума в ушах занимается именно отдел изучения болевого синдрома. Возможно, шум в ушах иногда тоже причиняет боль. Душевную – уж наверняка.

Селия вернулась в лабораторию и поставила стаканчик рядом с компьютером. Надела рабочий халат и села за стол. Двадцать сообщений в электронной почте. Обреченно вздохнула и открыла первое. Доктор Нгуен отправил его без десяти пять утра. Никогда не стихающая паника – только так и можно определить состояние ее шефа. Когда она начала работать, он уже был паникером, а когда запустили программу *Re-cognize*, стало еще хуже, отдельные приступы паники перешли в постоянный стресс. И даже когда Национальный институт здоровья выделил группе небывалый грант в восемь миллионов долларов – не помогло. Восемь миллионов! Намного больше, чем получили другие исследовательские группы, но в мире Эндрю Нгуена тихие гавани отсутствуют напрочь. Другой бы потирал руки от удовлетворения – с такими деньгами открывались совершенно новые горизонты, – а он нет. Мрачно утверждал: *FDA*⁴ в любой момент может лишить их права на грант. Новая этика, знаете ли. Непредвиденные проверки – мало ли что. Верить никому нельзя.

И сейчас тоже. Кто-то обмолвился – ходят слухи, что вот-вот нагрянет комиссия. И в пять утра Эндрю решил проверить, готова ли группа к этому нашествию.

Мы с Мо просмотрели всю документацию, сверили протоколы, написала Селия. Сработала привычка отвечать на письма, хотя куда проще было заглянуть в соседний кабинет и сообщить то же самое и в тех же словах. *В том числе и с точки зрения этики,* добавила она.

Потом откинулась на стуле и сладко потянулась. Она делила кабинет с Мохаммедом и Эсте – небольшой, зато на высоком этаже и с видом на воду. Повезло: в лаборатории альгологии по другую сторону коридора окон вообще нет. Хотя в это время суток что есть окна, что нет – никакой разницы. Только-только начало рассветать, и Селия то и дело раздраженно поглядывала на мигающую и потрескивающую лампу дневного света под потолком – когда же можно будет ее погасить? И заменить неплохо бы, она еще позавчера оставила заявку.

На белой доске Мохаммед успел сделать несколько записей – как всегда, зашифрованных. *МЫШИ: структ. функ. OTI, DODLOI 3/1, SCI—M₂B₂* – и так далее. Поди разберись. Селия не раз у него спрашивала: что ж ты народу-то хотел сказать? – а он в ответ прижимал к губам палец и улыбался.

² Лечение боли.

³ Постоянный шум в ушах.

⁴ *Food and Drug Administration (FDA)* – Национальная администрация пищевых продуктов и лекарственных средств.

К раме красным магнитиком прикреплена копия новых правил госпиталя. Не новых, конечно, *доработанных*. Наверняка работа Эсте, она отвечает за всю бюрократию, а рядом – карикатура, которую Мохаммед несколько дней назад нарисовал во время ланча. Забавная: бородатый, сгорбленный старый кот стоит на задних лапах и звонит в колокольчик, а остальные коты безразлично отворачиваются и уходят, задрвав хвосты. И подпись: ЕСЛИ БЫ ПАВЛОВ БЫЛ КОТОМ.

Юмор, конечно, специфический, понятен не всем, но нельзя не признать: рисовальщик Мохаммед превосходный. Четкие, уверенные линии, умение находить неожиданные ракурсы. Селия предложила послать рисунок в какой-нибудь из научных журналов. Вспомнила, как видела в библиотеке старинную, времен открытия рентгеновских лучей, карикатуру: из радиационного кабинета, к ужасу ожидающего своей очереди больного, в панике выбегает скелет. Но Мохаммед только плечами пожал. Он думал о карьере профессионального рисовальщика примерно то же, что и о возможности стать доулой. Селия прекрасно его понимала. Мохаммеду не пришлось выбиваться из сил, чтобы поступить в Гарвард. Работал лаборантом не столько для заработка, сколько хотел набраться опыта и уж точно не планировал стать нищим рисовальщиком карикатур и комиксов. А ей пришлось побороться – в ее родне не было никого, кто имел бы финансовые возможности поступить в университет. Если бы жизнь не повернулась своей улыбчивой стороной, Селия наверняка работала бы сейчас стюардессой, как мама. Ей пришлось пахать чуть не двадцать четыре часа в сутки, чтобы получить стипендию.

Она ответила еще на пару писем и посмотрела на часы. Как всегда, задержалась взглядом на фотографии на стене – повесила ее сразу, как только пришла в лабораторию. На фото ее бабушка, один из последних снимков. На заднем плане плотина в резервате Феллис, недалеко от приюта для сенильных стариков. Пышные осенние краски – и бабушка, маленькая, исхудавшая. Довольно крупный план, в глазах еще есть искра разума. А может, и нет, просто свет так упал. Или вообще плод воображения.

Селия повесила снимок, чтобы не забывать, откуда она пришла и за что сражается.

Восемь. Пора спуститься в вестибюль и встретить пациента. Застегнула пуговицы на халате и пошла к лифту. Пациенты приходили обычно в сопровождении ассистента из социальной службы либо с родственниками. На них было тяжело смотреть – сгорбленные, смотрят в пол, словно страдают от стыда больше, чем от самой болезни.

В вестибюле сидели двое – пожилые мужчина и женщина.

– Роберт Маклеллан? Я доктор Йенсен.

– Доброе утро. – Он пожал протянутую руку. Нормальное, уверенное рукопожатие.

– Добро пожаловать.

– А я – Гейл. – Женщина привстала и тоже протянула руку. – Жена.

Гейл выглядела намного моложе мужа. Белая блузка, бежевый твидовый пиджак. Сумка наверняка стоит целое состояние. И ожерелье недешевое – двойная золотая цепочка с бриллиантовым сердечком. Бриллиантовое сердечко на золотой цепочке и еще одна цепочка с монеткой. Дорогое украшение.

Появился Мохаммед. Представился и сделал приглашающий жест. Магнитно-резонансная камера с ПЭТ у них была на первом этаже. Тяжелое оборудование всегда старались размещать внизу, затащить его по лестницам или в лифтах трудно, а иногда и невозможно – надо краном поднимать и ломать стены, в окно не пропихнешь.

Селия показала Гейл на маленький диванчик:

– Вам придется подождать. – Заметив мину разочарования, она поспешила добавить: – Если соскучитесь или загрузите – за углом кафетерий, у них очень вкусные маффины.

Вместе с Мохаммедом Селия проводила Роберта в комнату для пациентов.

– Сейчас придет сестра и поможет вам переодеться. А потом сделает укол. – Она показала на локтевую ямку. – Это совсем не больно. После укола введет в вену тонкий катетер. Через

катетер вводится радиоизотопный раствор. Исходя из полученных данных, мы будем оценивать результат лечения новым препаратом.

Как всегда, она говорила мягко и убедительно, вглядываясь в лицо пациента. Как будто бы все понимает. Посвятила в смысл так называемого двойного слепого метода: ни врач, ни больной не знают, что именно вводят – новый препарат или физраствор. Половина добровольцев получают препарат, другая половина – плацебо.

– В лучшем случае вы почувствуете разницу уже через месяц, самое большее – через два.

О какой разнице идет речь, она умолчала. Как и о том, что первые предварительные результаты показали: возможно, они нашли чудодейственное лекарство против болезни Альцгеймера. Мировая сенсация, если подтвердится. Лаборатория Эндрю Нгуена совместно с Институтом Герберта Гассера в Нью-Йорке синтезировали молекулу рибонуклеиновой кислоты, которую встраивают в нейтральный вирус. Задремавшая микроглия просыпается и начинает разрушать тау-белок, образующий в нейронах нейрофибриллярные клубки. При этом ожидается восстановление когнитивных возможностей. Программу так и называли – *Re-cognize*. Повторное узнавание.

Ожидания подтвердились. Сначала успешная апробация на мышах, потом на десяти, потом на двадцати пяти добровольцах. Опубликовали пару статей – и тут же посыпались предложения финансирования. Следующий эксперимент – уже сто участников. И опять превышающий все ожидания результат. Всего два месяца после первой инъекции *Re-cognize* – и наступает резкое улучшение. Больные возвращаются к жизни.

По принятым этическим правилам Селия не имела права рассказывать все это Маклеллану, но пообещала, что после анализа полученной картины первую дозу он получит уже сегодня. *Если на снимках все выглядит хорошо*, сказала она, имея в виду совсем другое: *если все выглядит плохо*.

– Мы комбинируем магнитный резонанс с контрастированием радиоактивным изотопом и таким образом получаем большой массив исходных данных. Гамма-камера позволяет обнаружить аномальные скопления радиофармпрепарата, а магнитный резонанс дает подробную картину мозга.

– Да-да, понятно, – кивнул Роберт Маклеллан.

– И еще вот что, – завершила она предусмотренную протоколом беседу. – Мы вводим радиоактивный препарат внутривенно, это вы уже знаете. Но я должна предупредить: магнитная камера – штука громогласная. Вы услышите довольно сильный стук, писк и тому подобное – это неизбежно, когда идет серийная съемка. Кто-то пугается, кому-то неприятно это слышать, даже с затычками для ушей, особенно вначале. Так что будьте готовы и не пугайтесь.

Появилась сестра. Сквозь халат просвечивали крупные алые розы на белой блузке – такая вольность была бы уместна в детской клинике, но Камилла дело свое знала.

– Здравствуйте. – Она подошла к Роберту и положила ему руку на плечо. – Сейчас переоденемся и сделаем укол.

– Как раз вовремя, – улыбнулась Селия и направилась в пульттовую.

На длинном столе у огромного шестиметрового окна, открывающегося в процедурную, четыре монитора. Мохаммед уже здесь. И в самом деле – издаваемые аппаратурой звуки не спутаешь ни с чем. Даже сравнение подобрать трудно.

– Переодевается, – сообщила Селия. – Через несколько минут начнем.

– Как он?

– Вроде бы ничего. Спокоен. Не знаю, все ли до него дошло, хотя делал вид, что понимает.

– Может быть, стоит попросить жену подписать согласие?

– Не думаю... он вполне ориентирован.

– Возраст?

Селия глянула в формуляр:

- Родился в июне 1944 года.
- Высадка в Нормандии. Дитя войны...

Удивительный все-таки парень. Обладает способностью видеть связи там, где их сразу и не обнаружишь. И образованный. Это называется широким кругозором. Для ученого незаменимое качество.

- Бывший адвокат. Кажется, очень известный. А ты нашел кого-то на пятницу?
- Жду подтверждения. Вернее, надеюсь. Нгуен с меня не слезает. Ему уже десятерых в неделю мало. Угадай с трех раз: у Дэвида больше или меньше?

Селия рассмеялась:

- Двенадцать. А то и пятнадцать.

Дэвид Мерино – шеф Института Гассера. Они занимаются этой проблемой параллельно. Формально – сотрудничают, фактически – конкурируют. Эндрю и Дэвид никогда не были друзьями, но в начале пути без обмена данными не обойтись, и *Re-cognize* волей-неволей стал совместным проектом. Гарварду первому удалось встроить модифицированную РНК в геном вируса, а сотрудник Гассера придумал, как поместить модифицированный вирус в клетки мыши. Короче, Нобелевскую премию придется делить пополам. На этом этапе две лаборатории казались неразлучными. Если не психологически, то практически: гранты выделялись на двоих, и они делили их по-братски. Если такое определение вообще применимо, поскольку их предписанное *NIH*⁵ братство больше напоминало затянувшуюся борьбу за первородство.

Селия не могла бы рассудить, кто больше заслужил право стоять на голубом королевском подиуме в Стокгольме. Конечно, Эндрю невыносим, он даже не скрывает, что хотел бы получить Нобелевку без дележки. Но и Дэвида ангелом не назовешь, хотя внешне похож. Ходили слухи, что когда он преподавал в Колумбийском университете, то у дверей его кабинета выстраивались очереди студентов. Но что не отнять – Мерино из тех людей, которые без труда могут продать снег инуитам. Блестящий экспериментатор, умница. Селии нравилось слушать рассказы о его выходках, сплетни и байки складывались в довольно привлекательную картинку. Их общение носило в основном виртуальный характер, но она успела понять: все, к чему прикасается Дэвид Мерино, превращается в золото, и не потому что он обладает неким даром, как царь Мидас, а потому что умеет прикасаться – всегда с нужной стороны.

- А ты знаешь, Мохаммед, Нью-Йорк уже набрал пятьсот случаев. Мы далеко позади.
- Эндрю почему-то решил, что к нам вот-вот нагрянет какая-то комиссия.
- Так и сказал? – Она пожала плечами: – Понятия не имею, какая муха его укусила.
- Может быть, мыши?
- И с мышами все прозрачно.

Твердой уверенности у нее не было. Провалы легко заметить. Не так уж легко, если на то пошло, но в таких комиссиях работают люди, во-первых, знающие, а во-вторых, нацеленные на поиски различного рода нестыковок. По двум экспериментальным мышкам протоколы вскрытия написаны странновато – и неудивительно: мышек забили по ошибке, лаборантка перепутала цветовой код. С каждым годом предъявлялось все больше требований.

– Этическая проверка уже прошла, – добавила она. – Пока ничего не случилось, никому и в голову не придет проверять. Один из ночных кошмаров Эндрю.

В пультовую заглянула Камилла:

- Пациент готов.
- Что ж... начинаем.

Они поднялись со своих мест и проследовали за сестрой.

Роберт Маклеллан, сгорбившись, сидел на кушетке. Зеленый катетер в локтевой вене на фоне бледной, потерявшей тургор кожи выглядел вызывающе. В больничной хламиде пациент

---

⁵ Национальный институт здоровья, правительственное ведомство в США.

казался намного старше. Старше и более погруженным в болезнь. Хорошо, что жена не видит, она и так заметно на взводе.

– Сейчас посмотрим на ваш мозг, – улыбнулась Селия. – Судя по вашей биографии, есть на что посмотреть.

Она подвела Роберта к двери с небольшим черным пропеллером на ярко-желтом фоне – символом радиоактивности. Ниже красовались и другие предупреждающие знаки: импланты суставов, пирсинг, кардиостимулятор – со всем этим вход категорически воспрещен. Селия автоматически похлопала себя по карманам. Несчастных случаев было немного, но с последствиями. В Миннесоте полицейский зашел в кабинет МРТ, забыв про пистолет, – оружие вырвало из кармана и ударило о магнит с такой силой, что на сливочно-желтой эмали осталась вмятина. Пистолет пришлось списать – никто не решался проверить его годность после такого удара. А несколько лет назад помешавшаяся на тренировках сестра не сняла жилет с утяжелителями, и этот жилет ее чуть не задушил. С таким магнитным полем играть не стоит. Селия посмотрела на Мохаммеда – тот тоже провел рутинный самообывск. Этот короткий ритуал стал настолько привычным, что они иной раз обыскивали себя даже при выключенной камере.

Ритмичный шум, будто работает гигантский насос. Селия убедилась, что Маклеллану выдали затычки для ушей. Мохаммед помог пациенту взобраться на подвижную кушетку и сунул ему в руку небольшой резиновый мяч.

– Это не для тренировки, Роберт, – улыбнулся он. – Это средство коммуникации. Вы ни в коем случае не должны шевелиться, голова должна быть совершенно неподвижной. И говорить тоже нельзя, даже когда мы задаем вопросы. И тем более кивать. Вместо этого нажимайте на мячик. К примеру, я задаю вопрос: хорошо ли надут ваш мяч? – и вы его сжимаете. А если *не* сжимаете, значит, что-то не так, и мы тут же приходим на помощь.

Мохаммед поправил подушку и подсунул два полипропиленовых клина по обе стороны головы.

– Ну что ж... начнем? Только помните: ни малейшего движения головой.

Они вышли в пультную, а их место занял МР-техник с большим, как банка кока-колы, шприцем.

Сквозь окно из пультной они наблюдали, как техник вводит радиофармпрепарат в пластмассовую канюлю катетера. Ввел до конца, показал врачам большой палец и ушел. Маклеллан остался в процедурной один. Селия записала точное время введения и пригляделась к больному – как будто бы все спокойно. Но это пока, в любой момент все может измениться. Некоторые были уверены, что перенесут процедуру без труда, но как только оказывались в замкнутом тоннеле камеры, начинался приступ паники. А другие засыпали. Хорошо бы иметь еще одну магнитную камеру, с незамкнутым контуром, специально для страдающих клаустрофобией. Но о таких расходах можно только мечтать.

Она кликнула мышкой – запустила первую серию снимков. На дисплее начали появляться картинки больного мозга Роберта Маклеллана, похожие на срезы огромного грецкого ореха. Ни она, ни Мохаммед не произнесли ни слова.

* * *

Хуже всего вечером. Гейл нажала кнопку выключателя – мигнув пару раз, загорелись мощные лампы дневного света под потолком в построенном на заказ гараже. Надо бы поменять на светодиодные, но у Гейл не поднималась рука выбросить, работают же пока. Узкие окна не открываются – строители схалтурили. Гейл отговорила Роберта судиться – крошечная фирма наверняка бы обанкротилась, – однако разозлилась не меньше мужа. Она же специально подчеркивала: окна должны открываться! Теперь приходилось открывать дверь и ждать, пока проветрится. Не каждый день, но все же.

Что за времена, надежных специалистов днем с огнем не найти. Всегда приводят с собой нескольких мексиканцев, наверняка нелегалов, иначе кто согласится на грошовую зарплату? Гейл со стыдом ощущала себя рабовладелицей. А если в рекламе стоит “мы нанимаем только американцев”, то еще хуже. Расизм по нынешним временам не просто не в моде – можно нажать серьезные неприятности.

Они купили довольно дорогой осушитель воздуха – невероятно безобразный агрегат. И спрятать невозможно, тогда вся затея становится бессмысленной.

Здесь же, в гараже, установлена беговая дорожка. Прежде чем начать тренировку, Гейл бросила взгляд на шестицилиндровый “астон мартин” Роберта и, как всегда, улыбнулась. Целая вечность – 1972 год! И два “ягуара”. Первый, красно-коричневый, еще старше – шестидесятые годы, с характерно изогнутым, словно стекающим на передний бампер капотом, напоминающим крыло самолета. Гейл так и не удосужилась проверить, кто у кого слямзил дизайн – “порше” у “ягуара” или “ягуар” у “порше”. Скорее всего, немцы были первыми, тенденция видна уже в довоенном “жуке”.

И наконец, единственная машина, которой они сейчас пользовались, тоже “ягуар”, только новый, купленный в прошлом году на автомобильной ярмарке. Дилер с неподражаемым оксфордским выговором был настолько убедителен, что Роберт тут же продал почти новый *BMW* и купил этот “ягуар”. Гейл еще к нему не очень привыкла, но одно ясно: хотя Роберт уже не тот, что раньше, но в безупречном, даже преувеличенно эстетском чувстве стиля ему не откажешь. Хотя кто знает – возможно, такая внезапная решительность и была первым симптомом болезни.

В неживом свете ламп машины выглядели сиротливо. Иметь такой гараж в Бостоне, да еще такого размера, – уже само по себе большое достижение, ни у кого такого нет. Собственно, это и был главный аргумент при покупке дома – возможность без непомерных затрат превратить пустующий полуподвал в просторный гараж. Теперь Роберту гараж ни к чему, он не садился за руль с прошлого лета, когда они ездили на мыс Код. И увлечение новым “ягуаром” улетучилось, купленные аксессуары так и лежали в углу в умеренно ярких, дорогого вида упаковках.

Гейл старалась не говорить об этом. В конце концов, гараж – единственное место, принадлежащее целиком Роберту, его вотчина и убежище.

Она покосилась на дисплей беговой дорожки и прибавила скорость – осталась минута. Обязательный спурт под конец. Участилось дыхание, на лбу выступили капли пота. Забавно: она еще не успела сбавить скорость, а машина ее опередила – пискнула и сама перешла в режим шага.

Час новостей – с девяти до десяти, Роберт обычно проводил его у телевизора, но с началом болезни все изменилось. Он нажимал не на те кнопки на пульте, раздражался и смотрел на нее то умоляюще, то смущенно. И похоже, не понимал половины из того, о чем вещал ведущий. А потом потерял чувство времени – вставал посреди ночи и варил кофе, абсолютно убежденный, что уже утро. Вот не далее как сегодня – она проснулась во втором часу ночи, пошла

в туалет и увидела его на диване перед выключенным экраном, но с пультом в руке. Роберт выглядел таким беспомощным, что она не решилась сделать замечание.

Что бы ты хотел послушать, Роберт?

Он выбрал альбом Рэя Чарльза 1963 года. Не в первый раз, но и ничего удивительного: любимые хиты он мог слушать бесконечно. *Old man river* Синатры, к примеру. На этот раз – Рэй Чарльз, *That lucky old sun*.

Гейл много раз пыталась догадаться – почему? Что он вспоминает?

Села рядом на честерфилдский диван и некоторое время слушала вместе с ним.

День был тяжелый. Роберт вышел из кабинета МРТ с совершенно отсутствующим видом и показал ей пластырь на локтевом сгибе, совсем как мальчишка, гордо демонстрирующий метку от прививки.

Надежда на улучшение настолько ничтожна, что сама мысль причиняет боль.

Ее муж терпеть не мог диски и флешки – только винил. Мало того, пару лет назад специально ездил в Ригу, вычитал, что там есть магазин, специализирующийся на итальянских ламповых усилителях и колонках ручной работы. Гейл даже название запомнила – *Audio Bottega*. Через месяц покупку доставили – к дому подъехал забитый ящиками грузовичок. Особенно ее поразила вертушка: цена как у автомобиля среднего класса, к тому же весит около шестидесяти килограммов. Пришлось звать на помощь садовника.

Они прослушали весь альбом. Когда комнату заполнили мягкие, ускользающие гармонии *Over the rainbow*, у Гейл выступили слезы.

Над радугой? Нет. Там ничего нет, над радугой. Только в песне. Покосилась на Роберта – тот сидел с отсутствующим видом, будто мысли его витали где-то еще, но она-то знала, что это фантазия, если мысли его где-то и витали, то в вакууме, не взаимодействуя ни между собой, ни с окружающим миром.

И что ей делать без него? Мало того – кто она без Роберта?

Абсолютное, безнадежное бессилие. Мягкий, слегка вибрирующий баритон Рэя Чарльза, медленно затухающая, остающаяся в памяти заключительная нота, а потом исчезает и она – в темноте вечности. Где-то она там, безусловно, есть, эта тоскливая нота, но найти ее невозможно. Весь сегодняшний день Гейл не оставляло ощущение крушения. Последняя нить надежды оборвана.

Как победить эту болезнь?

Никому пока не удалось.

Машина снова мяукнула и постепенно остановилась. Гейл отпила из бутылки, вытерла полотенцем лоб и сошла с дорожки. Как будто бы стало полегче. Кто знает – возможно, эти сеансы пробежки все же притупляют прижатое к сонной артерии лезвие ужаса. Смочила салфетку хлороксом и протерла дисплей и велосипедные ручки. И дорожку вытерла – никто, кроме нее, ей не пользовался, но нельзя забывать главное: деградация личности начинается с пренебрежения гигиеной. По пути приоткрыла дверь в комнату для стирки и, не глядя, бросила полотенце в корзинку с грязным бельем. Стирка и уборка каждую пятницу, суббота и воскресенье для отдыха – так было всегда, всю их долгую жизнь. Но Роберт заболел, и все поменялось. Он стал неаккуратен в еде, выходил из туалета с влажными пятнами на брюках. Конечно, все бывает, вроде бы ничего страшного. Страшно другое: сам он это не замечал. Пришлось поменять пол в ванной на втором этаже, пористый клинкер впитывал все запахи, открываешь дверь – и в нос бьет полузабытая вонь общественного сортира.

Теперь все недостатки устранены. Все приспособлено под ментальную инвалидность ее мужа.

Инвалидность... Слово режет слух.

Гейл почему-то вспомнила инструкцию по сдаче мочи на анализ в больничном туалете и невольно улыбнулась. Особая медицинская жизнь, плотская и понятная.

1. *Женщинам: развести половые губы.*
2. *Мужчинам: сдвинуть назад крайнюю плоть.*
3. *И женщинам, и мужчинам: подставить емкость под струю через одну-две секунды после начала мочеиспускания, чтобы избежать загрязнения пробы.*

Сорокапятиминутная тренировка закончена, пора возвращаться в привычное за последние месяцы состояние постоянной готовности.

Поднялась по лестнице и заглянула в его кабинет. Сидит в очках, в той же позе. На письменном столе стопка старых журналов – “Классические автомобили”, один номер открыт на середине, но, похоже, на той же странице, что и три четверти часа назад.

Гейл некоторое время стояла на пороге. В комнате полумрак, горит только зеленая настольная лампа. Стеллажи до потолка – книги по юрисдикции, справочники, своды законов и уложения, сотни томов художественной литературы. Одну из полок занимают черные твердые папки, этикетки написаны от руки, – уходя на пенсию, Роберт зачем-то притащил их домой. Гейл не понимала зачем, однако он настоял, хотя, по ее наблюдениям, так ни разу к этим папкам и не притронулся. Еле уговорила вынести пару кожаных кресел и поставить вместо них диван, чтобы можно было отдохнуть днем. Для дивана заказала виниловый чехол – на всякий случай.

Вообще-то время уже позднее, пора спать, но Гейл не стала его беспокоить. Оставила мужа наедине с журналом, который он читал, и пошла в душ. (*Читал ли?* Или просто смотрел на разворот с малиново-красным “кадиллаком” пятидесятых годов?) Надела ночную рубашку, накинула халат и расстелила постель. Покрывало и декоративные подушки бросила на сундук под окном – старый-престарый, купленный за гроши на какой-то распродаже. Гейл его очень любила – деревянный, с потемневшей медной оковкой, так называемый матросский. Стены в спальне сливочно-белые, великолепно гармонируют с небесно-голубым персидским ковром. Газовый камин, два кресла рядом. Роберт даже привез для этих кресел овечьи шкурки, но они почти никогда не сидели в них, хотя что может быть лучше, чем провести четверть часа у камина в уютном кресле с рюмкой мадеры.

В спальне довольно холодно – Роберт предпочитает спать с открытым окном, *как скандинавы*. Хотя сам он никакого отношения к скандинавам не имеет – ирландец по крайней мере в пятом поколении, а может, и раньше. Гейл вначале мерзла, искала самые теплые одеяла, а потом привыкла и даже вошла во вкус. Но не сегодня – на дворе уже неделю двузначный минус. Всему есть границы.

Осмотрела спальню – как будто бы все. Можно идти за Робертом. По пути зашла в кухню, засыпала кофе в кофеварку, утром не хочется хлопотать, нажал кнопку – и после душа ждет готовый кофе. На всякий случай оставила один спот-лайт в потолке включенным – иногда Роберт перед сном заходит попить.

– Роберт? Пора спать, дорогой.

Он повернулся на стуле. Не сразу сфокусировал взгляд, словно она его разбудила. Журнал на столе по-прежнему открыт на той же странице.

– Читаешь?

– Да... так, знаю. Вспоминаю.

На черном дисплее больших настольных часов светились белые суставчатые буквы: ЧЕТВЕРГ, ВЕЧЕР. Она купила эти часы в онлайн-магазине несколько месяцев назад и каждый раз вздрагивала, когда тихий звонок в телефоне сопровождал очередное извещение: “Ваш заказ ЧАСЫ ДЛЯ ДЕМЕНТНЫХ принят”. “Ваш заказ ЧАСЫ ДЛЯ ДЕМЕНТНЫХ отправлен по указанному адресу. Вы можете проследить заказ по следующему номеру...” И так далее. Ей становилось не по себе: а вдруг кто-то узнает? Гейл никому не рассказывала про диагноз Роберта.

Даже Майре. Нет, Майра, само собой, понимала, что с Робертом не все в порядке. И наверняка замечала, как обеспокоена Гейл, – разве может не заметить самая близкая подруга? Но слово “альцгеймер” не было произнесено ни разу, даже когда Роберт упал на лестнице. Гейл с детства была очень стеснительной. К примеру, когда ей было тринадцать, не решилась рассказать о первых месячных матери. Побежала в аптеку и на сэкономленные деньги сама купила прокладки. Потом прятала их в своей комнате, трусы стирала и сушила ночью, прикрыв полотенцем. В один прекрасный день мать все же увидела пятнышко крови на простыне. Покачала головой и, ни слова не говоря, положила на дно платяного шкафа четыре голубые коробки прокладок *Kotex*.

Теперь все по-другому. Гейл иногда даже завидовала молодежи – как открыто говорят они на самые интимные темы.

– Вспоминаю... – повторил Роберт после долгой паузы. – Вот этот... – Он ткнул пальцем в “кадиллак”. – Ты права. Пора спать.

ЧАСЫ ДЛЯ ДЕМЕНТНЫХ оказались очень удачной покупкой. Поскольку они показывали не только часы и минуты, но и напоминали о времени суток, Роберт перестал раздражаться, когда вместо обеда, на который он рассчитывал, получал завтрак – яйцо всмятку и тост с мармеладом. И уже не протестовал, когда она провожала его в постель, хотя был уверен, что на дворе полдень. Даже обидно – часам он доверял больше, чем жене, с которой прожил чуть не полвека. Раз на дисплее стоит ПОНЕДЕЛЬНИК, УТРО – значит, так оно и есть, но если она говорила то же самое, начинал сердиться. А обычные часы его злили. Почему? Вряд ли даже самый знаменитый психиатр смог бы ответить на этот вопрос.

То же самое с деньгами. С датами.

– Тебе нужно что-то перед... – Начала и тут же запнулась.

Надо следовать инструкции, прописанной в одной из полученных в госпитале брошюр.

Любой вопрос, который вы задаете, должен быть рассчитан на возможность ответа “да” или “нет”. Так вы сможете больному избежать затруднений и, как следствие, ненужной фрустрации.

– Чашку чая?

– Нет, спасибо.

– Стакан сока?

Роберт последний раз глянул на огромный “кадиллак” и кивнул:

– Сок... да, сок было бы неплохо.

Гейл довольно улыбнулась. Все же они знают свое дело, врачи.

Они прошли в кухню. Гейл открыла дверцу маленького холодильника – там ничего не было, кроме толстостенных стеклянных бутылок со свежавыжатыми соками.

– Грейпфрут?

– Спасибо, с удовольствием.

Приятная легкая судорога – то ли радости, то ли надежды. Похоже на контакт. Они проводили вместе двадцать четыре часа в сутки, но вот такие минуты понимания случались все реже. Все чаще и чаще казалось, что ее Роберт где-то на другой планете, а рядом с ней его виртуальная копия, довольно примитивно запрограммированный мета-Роберт. Однако сейчас он вполне реален. *Грейпфрут? Спасибо, с удовольствием.*

– Я тоже выпью. – Настроение оставалось приподнятым. – По радио сказали, что опять идет циклон. Снег, холод... Витамин С не повредит – и тебе и мне.

Она села напротив. Стол уже накрыт для завтрака – белоснежные тарелки на бежевых таблетках, кофейные чашки на подносе.

А вот этого не надо было делать. Роберта наверняка смутит сервировка, в кухне же нет таких часов, некому подсказать, что уже вечер. Она поставила стакан и обреченно опустила

плечи, поникла. Уже пожалела о своей выдумке с соком. Роберту не следует пить на ночь, наверняка придется будить и провожать в туалет.

Гейл откинулась на спинку стула, одернула задрывшуюся ночную рубашку и посмотрела на Роберта. Он маленькими глотками пил сок и глядел в никуда.

* * *

– Папа?

Загадочный, еле уловимый шум, будто в научно-фантастическом фильме прослушивают космос. Она ткнула пальцем – на дисплее высветилась пиктограмма громкоговорителя. Никакого результата, разве что шум усилился. В кафе “Альбатрос” и без того шумно, и она тут же отключила динамик.

– Папа? Ты меня слышишь?

Никакого ответа.

Нажала кнопку отбоя. Мимо прошла официантка с подносом, на котором дымились чудовищных размеров морковные маффины. Селия проводила ее взглядом – толстая, даже ожиревшая женщина с неоновосиней прядью в темных волосах неуклюже протискивалась между столами. Добралась наконец до нужного – там сидела нарядная пара с двумя маленькими блондинистыми девочками, жадно поглядывающими на принесенные лакомства. Они с отцом всегда садились за этот столик. Каждое воскресное утро.

– Еще кофе, дорогуша?

Селия подняла голову – над ней нависла тяжелая грудь официантки, она даже не заметила, когда та успела подойти.

– Нет, спасибо. Я жду отца.

– Знаю, знаю, – улыбнулась официантка, обнажив шикарные рекламные зубы. – Но, может, пожуете пока что-нибудь?

Надо было заехать за ним... но он же прекрасно водит машину! Или *водил*...

– Пожалуй, не сейчас, спасибо. Все нормально.

Нормально... Ничего нормального уже давно нет. Дождавшись, чтобы приветливая толстуха отошла от столика, опять набрала номер. Теперь занято. Забыл нажать кнопку отбоя? Оставил телефон в кухне и вышел?

Селия огляделась. Пожилая дама за соседним столиком ободряюще улыбнулась. Очевидно, не только официантка знала, что она ждет отца. Тед Йенсен знаком всем и каждому. Селия прекрасно помнила, как она каталась на велосипеде, слушая рокот газонокосилки. Как только у отца появлялся час свободного времени, он бросал ее велосипед в кузов и они ехали в кафе-мороженое на улице Рут. Кофе и сливочное мороженое для Теда, фунтик мятного шоколадного для Селии. “Зеленое, как Ирландия”, – каждый раз сообщал Тед. К нему то и дело подходили знакомые.

– Ну и дочка у тебя, Тед! Красавица! Запасайся винтовкой.

Каждый раз, когда она думала об отце, перед глазами вставала именно эта картинка. Или как он возится с мотором своего пикапа в рубашке цвета хаки. Всегда готов к шутке. Поскольку ему приходилось каждую осень вывозить кучу хвороста, борта пикапа нарощены сделанными на заказ большими фанерными щитами: “Ландшафтное планирование” и помельче: “Тед Йенсен. Красота в деталях”. Летом он всегда ездил с прицепом, в котором лежали ярко-желтый *Walker*⁶ и довольно тяжелый бензиновый триммер.

Хорошенькие светловолосые девчонки за соседним столиком затеяли ссору: одна присвоила обе коробки с мелками и держала их над головой, дразня младшую, та прыгала за мелками и хныкала. Мать шикнула на шалунью и посадила младшую на колени. Красивая, между прочим, женщина. Тонкая, с точеными чертами лица. Чем-то похожа на ее, Селии, маму. Тип маленькой феи из сказок. В голубом цветастом платье – странный выбор для января и для этого скромного ресторанчика. Экзотическая птица.

---

⁶ Популярный бренд газонокосилок.

Впрочем, сама она, наверное, кому-то тоже может показаться той еще птицей. Накраситься не успела, да что уж там, попросту забыла, волосы наспех заплела в толстую косу. Черные брюки, черные сапоги, два черных свитера, надетых один на другой, и черный пуховик.

В Бостоне на такой прикид никто бы и внимания не обратил, но здесь, в полусельском Деннисе, черный цвет означал только одно: собралась на похороны. Остальные одеты очень ярко, даже кроссовки с неоновыми вставками. И что? Подумаешь... Если кто здесь и дома, так это она. Приходила сюда с детства, даже не помнит, когда была тут первый раз. Наверняка совсем маленькой, года два-три, а может, и раньше. Не то чтобы регулярно, но с той поры, когда поступила в колледж, – каждое воскресенье. Поселок маленький, любой скажет, кто здесь местный, а кто турист. Селия могла бы побиться об заклад – каждый посетитель знает, кто она, и удивляется: почему на этот раз одна, без отца.

Олады с сосисками и глазунью, а доченьке кофе покрепче и черничный маффин. Никак не проснется.

Тед Йенсен, как и обещала его реклама, был очень внимателен к деталям. Например, Селия не помнила случая, когда он забыл бы поздравить ее с днем рождения. И в поселке его любили, возможно, именно за это – за внимание к приятным для других мелочам.

До сих пор...

Несколько дней назад сосед встретил его на дороге к полю для гольфа. В куртке, но с непокрытой головой, хотя валил снег. Отвез Теда домой и позвонил Селии. Сказал: “Он, похоже, был не в себе. Присмотри за ним”.

Селия не удивилась – к тому времени она уже дважды сводила отца к врачу. Конечно, понимала размер беды, но меньше всего ей хотелось услышать подтверждение диагноза.

“У него же альцгеймер. Сама же видишь. Ты же, по-моему, как раз этим и занимаешься”.

Заниматься – это одно, а когда дело касается собственного отца... И вот – сидит одна. Сирота. Отец не пришел на традиционную встречу “папа с дочкой”.

На всякий случай еще раз набрала номер, но после первых же трех коротких гудков нажала кнопку отбоя. Встала, положила рядом с кофейной чашкой пятидолларовую бумажку и пошла к дверям.

– Что-то не так? – участливо спросила официантка.

– Нет-нет, все в порядке. Съезжу за отцом, у него что-то с телефоном. Вернемся попозже.

У входа, как всегда, стоит стеклянный холодильный шкаф с очень аппетитными на вид, щедро политыми сверкающей глазурью пирожными, суфле и пудингами. Раз в год, в день рождения давно уже умершей бабушки, они с отцом позволяли себе нарушить привычное течение жизни и заказывали десерт: большую миску горячего индейского пудинга с шапочкой ванильного мороженого на макушке. И ели, весело поглядывая друг на друга, хотя для Селии пудинг был слишком сладким, а для Теда – слишком пряным: повар не скупился на жгучую имбирную патоку. Смысл угадать нетрудно – так они вспоминали бабушку. Та часто готовила такой пудинг сама, считалось, что это ее любимое блюдо.

Седьмое марта. Скоро. Вряд ли отец вспомнит про трогательную традицию.

Вышла на улицу и поплотней запахла куртку – опять пошел снег. Ее прокатная ярко-красная “мазда” стояла в дальнем углу парковки. Селия приложила пластиковый прямоугольник к картридеру в углу лобового стекла – замки чмокнули и открылись. Села за руль и глянула на часы: 11:25.

Мотор завелся мгновенно. Машина тронулась с места, но пришлось тут же нажать на тормоз – прямо перед носом вынырнула золотистая “субару”. Водитель тоже притормозил и приветливо улыбнулся. Лицо незнакомое, но он-то наверняка ее узнал, как и высунувшаяся из-за плеча жена. Селия улыбнулась – а как же еще? – и показала рукой: проезжайте, проезжайте, я подожду.

Водитель помедлил – радостная улыбка так и не сходила с его лица, – пришлось показать еще раз, и “субару” медленно проплыла мимо.

Селия завистливо посмотрела вслед – человек за рулем совсем старый, совершенно седой, наверняка под девяносто. Да и спутница не моложе. Веселые, здоровые, соображают – с задержкой, конечно, но соображают же... И дом свой найдут, можно не сомневаться.

Никаких справедливых законов человеческой жизни не существует. Уж кому и знать, как не ей. *Кого Бог любит, забирает молодыми*, сказала бабушка, когда умерла ее дочь, мать Селии. А потом и сама умерла, уже далеко не молодой, – как бы призналась, что особой любовью Господа не пользовалась. Или вообще нет такого понятия – отношение Бога к человеку. Создает и создает себе подобных, нимало не заботясь об их дальнейшей судьбе. Если и был поначалу какой-то замысел, то в процессе созидания забыт. Или интерес потерян.

Селия включила дворники – справятся. Ей почему-то не хотелось выходить из машины и варежкой сгребать нападавший снег. Ехать до папиного дома всего-то несколько километров, в полупустом зимнем Деннисе минут пять, не больше. Миновала площадь с похожей на огромную зеленую ракушку летней сценой. Почти все магазины и рестораны закрыты, кроме пары-тройки кафе. Впрочем, Деннис и летом особого интереса для туристов не представляет, за исключением разве что Дня независимости – здесь пролегает один из маршрутов на Кейп-Код, в их летний дом. Но даже и тогда большинство предпочитают шестую трассу, там быстрее, хотя кое-кто, с чуть более развитым эстетическим чувством, выбирает Олд-Кинг-хайвей – крюк небольшой, зато сколько всяких красот! Именно там, на Олд-Кинг-хайвей, живет ее отец, в том же старом белом бунгало, где она выросла. После развода дом остался Теду, но он совершенно не обращал на него внимания, Селия попробовала вспомнить и не смогла: затевал ли отец хоть раз какой-то ремонт? Обстановка в доме как в девяностые. За садом он, правда, следил, но сад-то крошечный, почти весь участок занимает большая веранда.

Чем ближе она подъезжала, тем сильнее охватывала тревога. В последний раз в доме было очень холодно, но почему – она так и не смогла добиться ответа. Только потом сообразила, что отец нажал кнопку отключения термостата – возможно, решил сэкономить на отоплении. Еще осенью Селия заказала целый поддон брикетов для камина, но упаковки так и остались нераспечатанными. На окнах в кухне – банные полотенца. Зачем? Оказывается, собрался пересчитать деньги в бумажнике и завесил окна, чтобы никто не подглядывал. На разделочном столе пакет с хлебом, а рядом алюминиевый поднос. Яйцо, несколько ломтиков бекона и мисочка с мармеладом. Тревожный сигнал – значит, даже соседи знают, что папа так плох, что не может о себе позаботиться, и приносят ему продукты.

Нет, не может алыгеймер прогрессировать так быстро. Она уже больше десяти лет изучает эту проклятую болезнь и изо всех сил пыталась себя убедить: не может. Такого не может быть.

Селия посмотрела на спидометр, мимолетно глянула в зеркало заднего вида и нажала на тормоз – оказывается, на участке с ограничением скорости в сорок миль в час она лупила за все шестьдесят. Пронесло – полиции не видно, а радаров здесь нет.

В животе бурчало – за весь день ничего не ела, только выпила две чашки кофе, одну дома, другую в “Альбатросе”, а сейчас уже время ланча. Но странно – есть не хотелось, несмотря на упорно посылаемые организмом отчаянные сигналы.

Вот и поле для гольфа, стрельбище, чуть подальше ветеринарная клиника с большим рекламным щитом “Вакцинация домашних животных”, а за поворотом – дом отца. Селия притормозила. Большой черный пикап “шевроле-сильверадо” стоит под белоснежной шапкой свежее выпавшего снега. Обычно отец навешивал на него снегоуборочный отвал еще в октябре и после каждого снегопада с шутками объезжал своих клиентов и сгребал снег с участков. Но в этом году железный скребок так и лежал в гараже. Конечно, уже шестьдесят пять, пора бы и утихомириться, но отец всю жизнь работал, и сидеть дома без дела – совершенно на него

не похоже. Когда выпадал снег, он улыбался и подмигивал, радуясь возможности поболтать с соседями.

Как всегда, поставила машину за пикапом. Фасад потемнел от влаги, краска на ставнях шелушится. Небесно-голубые ставни, типичные девяностые... Лампа у входа почему-то не выключена – забыл, наверное. Весь участок под снегом, но от гаража к крыльцу прорыта узкая тропинка – значит, он все-таки выходил из дома с лопатой. Следов на снегу почти нет – проделал тропинку и сразу ушел обратно.

Постучала и толкнула дверь – не заперто.

– Папа?

Селия включила свет в прихожей. Под вешалкой ворох одежды.

– Папа?

Может быть, спит? Но он же снимал трубку!

Нарушения сна, внезапная сонливость или немотивированное ночное бодрствование.

Однако писать диссертацию о заболевании – одно, а видеть все это – совсем другое. Пугающая действительность. Недопитый виноградный сок на журнальном столике, газеты на полу, скомканное покрывало на диване. Папа же никогда не засыпает перед телевизором, он вообще почти не смотрит ТВ, зато много читает. *Читал...*

Книг не видно. Рулонные шторы опущены, однако свет не включен. Селия прошла в кухню и щелкнула выключателем. Брикеты так и не внес, но неважно, в доме тепло, не как в тот раз.

Отец посмотрел на нее с удивлением. Сидит за кухонным столом в халате, седые волосы взлохмачены, будто только что проснулся.

– Папа! – Она прикусила губу, чтобы не всхлипнуть. – Папа, это я, Селия.

Он глянул непонимающе, но буквально через пару секунд взгляд просветлел.

– Кого я вижу! Тыквочка! Пришла навестить старика-отца?

Сразу стало легче. Плечи расслабленно опустились, хотя дышать по-прежнему трудно, так всегда бывает после приступа паники.

– Мы же собирались вместе позавтракать... ты забыл?

Селия подошла к окну и потянула за шнурок. Рулонная штора поползла вверх, и в кухню медленно, словно забыв про собственную эталонную скорость, просочился скупой свет январского дня. Потом подошла к отцу со спины и крепко обняла.

– Одевайся. Глазунья уже заказана.

* * *

Клошар на бульваре Сен-Мишель остановился возле канавы – решил опорожнить мочевой пузырь. Адам Миллер не мог оторвать глаз, настолько заворожили его внушительные размеры детородного органа.

– *Excusez-moi!*⁷

Молодая женщина тронула его за рукав. Судя по раздраженной интонации, не в первый раз. Он с трудом отвел глаза от завораживающего зрелища.

– *Mon vélo...*⁸

Взгляды их встретились, и она тут же перешла на английский. Такое случалось постоянно – очевидно, глаза его каким-то образом выдавали иностранное происхождение.

– Мой велосипед. Вы стоишь... на переди...

Лучше бы не переходила – с таким-то английским.

– *Je suis désolé*⁹. – Адам отодвинулся.

Оказывается, заглядевшись на полового гиганта, он оперся на ее велосипед.

– Ничего, ничего, – улыбнулась она. – Не беспокоиться.

Вечная история: как только они понимают, что ты не француз, тут же пытаются перейти на английский. И так всю жизнь. Не слишком деликатный способ намекнуть, что ты никуда не годишься.

Девушка набрала код на замке, сняла блестящий, похожий на гремучую змею тросик, вскочила в седло и укатила. Когда велосипед съехал с бордюра, звонок жалобно тренькнул.

Асфальт клейкий от раздавленных каштанов. Этой зимой снега почти не было, пошел как-то, но уже через полчаса все растаяло. Париж зимой не особенно уютен: сравнительно тепло, зато надо пережить бесконечную череду сумрачных, невыразительных, дождливых дней.

Проводив взглядом велосипедистку, он оглянулся – клошар был на месте, как будто до этого не мочился как минимум неделю. Адам разочарованно вздохнул. Этот тип с его орудием массового поражения напомнил, как давно у него самого не было секса. А может, все из-за недосыпа?

Какой может быть сон, если последние месяцы – сплошная игра с огнем? Он несколько раз напоминал Дэвиду Мерино: прежде чем набирать добровольцев, надо все перепроверить и дать оценку, ни на что не закрывая глаза, даже на то, что кажется неважным. Неожидавшее самоубийство Франсуа Люийе – разве это не красный флаг? Или, по крайней мере, оранжевый? Надо соблюдать осторожность. Но Дэвид ничего не хотел слушать – он получил многомиллионный грант не для того, чтобы осторожничать и останавливаться на каждом шагу. Несчастный случай, сказал шеф лаборатории в Институте Гассера. Смерть Люийе – нелепое совпадение. К тому же у старика были все признаки депрессии. Психологам следует быть повнимательнее.

Чепуха. В неврологическом центре “Крепелин”¹⁰ в Париже Адам встречался с этим пациентом несколько раз. Семидесятилетний Франсуа Люийе сорок два года прослужил нотариусом в апелляционном суде. Сорок два года – ни больше ни меньше. Скромный – да, неразговорчивый – да, интроверт – да. Не женат, безупречно вежлив. Кроткий как овечка – без сомнений, но никаких признаков депрессии Адам не заметил.

И на тебе...

---

⁷ Извините! (фр.)

⁸ Мой велосипед (фр.).

⁹ Мне жаль (фр.).

¹⁰ Крепелин Эмиль Вильгельм (1856–1926) – немецкий психиатр.

Игра с огнем... пожалуй, и похуже.

– *Excusez-moi!* (Адам вздрогнул и обернулся.) *Celle-là... vous savez...*¹¹

Еще одна. Говорит по-французски так, будто во рту у нее штук пять жевательных резинок. Розовый пуховик в обтяжку, крашенная блондинка, волосы перехвачены розовой же атласной лентой. Одета как подросток, хотя не меньше сорока. Неопределенно ткнула куда-то в сторону станции метро.

– Вы заблудились? Вам нужна помощь? – спросил Адам.

– О боже... какое счастье! – Она радостно засмеялась, показав белоснежные, идеально ровные зубы. – Вы же говорите по-английски!

Спасибо, по плечу не хлопнула... Вот она, одна из причин, почему он уехал из Америки. Иногда ему казалось, что миллионы ничем не спровоцированных улыбок вовсе не обозначают хорошее настроение – всего лишь способ показать безупречные зубы.

– Я совсем запуталась... куда мне... как же это называется? Метро, трамвай? Электронка?..

– Электричка.

– Ну да, ну да... конечно...

Она проследила его взгляд, смущенно отвернулась и тут же покосилась опять. Глаза немного расширились – видно, и ее заворожил циклопический орган бродяги. Адам выпятил нижнюю губу и многозначительно покивал: да уж, посмотреть есть на что.

Незнакомка с улыбкой тряхнула головой.

Телодвижения как у пятилетнего ребенка. Большинство американцев останавливаются в развитии за час до полового созревания. Самое позднее – за полчаса. Непонятно, что тому причиной – культура? Религия? И то и другое плюс традиция.

– Мне нужно в Лес Халлес... – прочитала она в путеводителе.

– Ле Аль¹². – Настала и его очередь улыбнуться. – Вы почти на месте. Можно пешком, а если побыстрее – одна остановка на метро, синяя линия.

– Вау! Замечательно, спасибо. А вы живете здесь?

Адам молча кивнул.

Опять улыбка – на этот раз видны даже розовые здоровые десны. Щеки горят от возбуждения.

– Мечта! – сообщила она, многословно попрощалась и пошла к метро. У самого входа оглянулась и помахала рукой.

Они вполне могли бы пойти в ресторан, поесть и поболтать о том о сем без всякого стеснения. Будь они в Айдахо или Айове, блондинка тут же пригласила бы его к себе домой, и он прожил бы пару недель в гостевой комнате. Американский секрет. А возможно, ключ к американскому величию. Никакой подозрительности, люди знакомятся мгновенно и с взаимной симпатией. Как дети, ничего не стесняясь и не думая об уместности и приличии всех этих улыбок и похлопываний. Эта бойкая блондинка – самое веселое и незамысловатое существо из всех, с кем он встречался за последний месяц. У парижан немало достоинств, но оптимизмом они заметно обделены. Парижские нытики наверняка чемпионы Европы по части нытья. Как ни странно, Адаму это нравилось. Разумеется, легкий и веселый характер вовсе не признак глупости. Иной раз ему казалось, что европейцы приняли на вооружение максимум Джона Стюарта Милла¹³: лучше быть недовольным человеком, чем до вольной свиньей. На Европейском континенте счастливые люди выглядят подозрительно – выдумка, конечно, но в глубине души Адам был с этим согласен.

---

¹¹ Это... Ты знаешь... (фр.)

¹² Торговый район в Париже.

¹³ Джон Стюарт Милл (1806–1873) – британский философ, социолог, экономист и общественный деятель.

Что ему уж точно пришлось по душе – присущий французам врожденный цинизм. Вошедшая в поговорку картезианская привычка ставить все под сомнение. Сам-то он, по расхожему выражению, родился в сорочке. Доступ к книгам, лучшим школам и музеям Нью-Йорка – двери открыты. От отца унаследовал интеллект, от матери – густую волну льняных волос. А вот от кого достался тяжелый, замкнутый, совершенно неамериканский характер – неизвестно. Ночные кошмары, приступы мрачного настроения. Сам Адам не мог припомнить, чтобы у него случались какие-то особо тяжелые моменты, но то, что он аутсайдер, – знал точно. Дэвид Мерино, особой деликатностью не отличающийся, не раз называл его *kill-joy*¹⁴. Скорее всего, Институт Гассера отправил Адама подальше в Европу не только для того, чтобы тот усовершенствовал свой французский, просто он действовал всем на нервы своим нытьем.

Во Франции он продолжал оставаться аутсайдером, хотя и не в переносном, а в прямом смысле слова, что почему-то было менее унижительно, тем более что врожденный пессимизм вовсе не превращал его в белую ворону – здесь все такие. Общая меланхолия скрашивала одиночество. Более того – облегчала жизнь. Именно так Адам объяснял крепнущее с каждым днем нежелание возвращаться в Америку – когда все вокруг грустит, жить легче.

Париж... Парис... Парадиз. Пари – Паради. Да, по-французски Париж рифмуется с раем. Что ни дом – то шедевр архитектуры, каждый ломтик хлеба в кафе – гастрономическое чудо. Люди красивы как боги.

И прежде всего – здесь, в Париже, живет Матьё. Это главное. Матьё не с чем и не с кем сравнить – нереальный и в то же время судьбоносный вывод.

Он в который раз посмотрел на часы. Сколько еще ждать, прежде чем сдаться? Попробовать написать эсэмэску? Наверное, не стоит – может насторожиться или, еще того хуже, испугается.

Адам повернулся в сторону Сорбонны и реки. Матьё мог пойти из Марэ пешком, через мосты, но вряд ли – обычно он предпочитает метро.

Нечего нервничать, обычная история. Матьё всегда опаздывает, а он, Адам, приходит слишком рано. Возможно, такой порядок и продиктован какой-то особенностью их отношений, но Адаму не хотелось об этом размышлять. Вернее, как-то раз попытался, но быстро понял, что ни одной мысли не то что развить, но даже додумать до конца не удастся.

Мимо прошел пожилой человек в обществе женщины намного моложе его. Седой, коротко стриженный, ухоженная борода. Спутница в голубом платье под коротким манто. Мужчина просунул руку под меховую накидку и прижимал ее так тесно, что трудно было понять, как они вообще в состоянии двигаться.

В Америке люди, конечно, веселее и дружелюбнее, но по части любви им до французов далеко. Город сочится сексом, французы занимаются любовью чуть не посреди улицы. Вчера он сам видел целующуюся пару в подъезде – парень запустил руку своей избраннице под юбку и времени не терял, если судить по ее сдавленным стонам.

В Нью-Йорке кто-нибудь обязательно позвонил бы в полицию.

И даже Адам почувствовал эти тайные токи – влюбился так, что утратил контроль за собственными действиями. При этом прекрасно сознавал: да, контроль утрачен. Он потерял душевный баланс, которым втайне гордился. Стрелка компаса, которая раньше в подобных случаях начинала тревожно дергаться, с появлением Матьё замерла и показывала только одно направление: любовь.

Они встретились в конце сентября, в один из тех дней, которые во всем мире составляют отдельный и долгожданный период под названием “индейское лето”¹⁵. Огромные пирамиды яблок и груш на Рю де Риволи. Адам дивился искусству торговцев – как все это не осыпа-

¹⁴ Буквально: убийца радости (англ.).

¹⁵ Синоним бабьего лета.

ется? Должно развалиться при малейшем прикосновении. И тут он заметил идущего навстречу молодого парня. Они разошлись, Адам проводил его взглядом, но уже через пару секунд тот остановился и обернулся.

– Ты улыбнулся! – И рассмеялся таким легким, музыкальным смехом, что у Адама потеплело на сердце.

Разговорились. Когда Адам назвал свое имя, Матьё склонился в шутливом поклоне:

– Теперь я знаю, от кого произошел. От тебя. Ты же первочеловек...

Как гром среди ясного неба...

Он впервые понял смысл этого расхожего клише.

И угораздило же его. Матьё ведь самый настоящий бродяга. Если кому-то понадобится объяснить слово “богема”, достаточно показать на Матьё. Создает более чем странные композиции из дерева и металла. Его заваленная разнообразным хламом квартирнка напоминает мастерскую сумасшедшего ремесленника. Адам так и не смог понять, зарабатывает ли Матьё хоть что-то своим искусством или все его творчество – просто-напросто образ жизни. Разумеется, человек такого склада должен жить именно в Париже. Вот бунтарь-американец колесил бы по дорогам, но для француза, для которого свобода и творчество превыше всего, именно Париж – естественный центр притяжения, исходная и конечная точка погони за счастьем и красотой.

В комнате Матьё в Марэ, еврейском квартале, которую он называл не иначе как студия, единственным предметом мебелировки был футон, низкий японский матрас. И в первый же вечер Матьё дал понять, что серьезные отношения его не интересуют.

– Ничего регулярного. Забава. Способ приятно провести время. Игра.

Вот только худшего партнера для игр, чем Адам, и придумать невозможно. Он даже в детстве избегал игр. Мир ему всегда казался безоговорочно серьезным, и если уж с ним случилась любовь, то для него это точно не игра. Но он на всякий случай кивнул – обессиленный и расслабленный после первого настоящего свидания. Да, конечно. Игра.

Они занимались этой игрой часто и помногу. Это было замечательно, и Адаму каждое новое свидание лишь добавляло уверенности: эта любовь на всю жизнь.

А теперь он стоит, замерзший, у калитки Люксембургского сада и ждет. Уже не первое свидание, на которое Матьё попросту не явился. Адам посмотрел на часы – восемь вечера в Париже, два часа пополудни в Нью-Йорке. Конечно, можно зайти вон в то кафе, там точно есть *Wi-Fi*, и удивить лабораторию запоздалой активностью. Почему нет? Заказать кружку “Стеллы”, гамбургер и поработать.

Посмотрел на телефон – вдруг здесь нет покрытия? Как это может быть? Никак, конечно. Все в порядке. Все пять столбиков.

Почти незаметный морозящий дождь внезапно усилился. Толпа прохожих расцвела разнообразными зонтиками и быстро поредела.

Мимо прошел старик с тростью, он останавливался передохнуть чуть не на каждом шагу. Адам опять вспомнил Люийе. Они в лаборатории называли происходящее “серебряным цунами”: человечество стареет так стремительно, что уже через пару лет окончательно затопит существующую систему здравоохранения. Внешне мало что менялось, разве что чаще попадаются старые люди. Но и на это почти никто не обращал внимания, психика человека устроена так, что по-настоящему тревожные признаки остаются незамеченными. Они бросаются в глаза, но ты не хочешь их видеть – и не видишь. Старость – самая неприметная пора человеческой жизни. У молодого поколения, детей стареющих родителей, никогда не хватает времени, у них полон рот забот о собственных детях, тем надо выстоять в жестоком подростковом мире, а дедушки и бабушки никакого интереса не представляют. Старики – пришельцы из давно ушедшего мира, чем они могут помочь и чему научить? Многомиллионное поколение “80+”

предоставлено само себе, его все дальше уносит неотвратимая волна заброшенности, забвения, а иногда и отторжения. Трагедия, растянутая на десятилетия, не перестает быть трагедией.

Ну и что? Они нашли Франсуа Люийе на полу в его квартире. Даже пистолет не выпал, он так и сжимал его в руке, настолько сильна была судорога последнего решения. Никаких предсмертных записок. Никто из родственников не мог вспомнить хоть что-то, что могло бы указывать на намерения свести счеты с жизнью. Даже мысли такой у него не было. Дело быстро закрыли – что тут расследовать? Семидесятилетний старик решил опередить господина Альцгеймера и покончить с собой до того, как это сделает болезнь, постепенно превращающая его в бессмысленное, никому не нужное существо.

Конечно, все на свете можно упростить до цепочки из двух-трех звеньев: причины – последствия. Но давно известно, что пожилые люди, как правило, не прибегают к таким радикальным методам самоубийства. Сунуть в рот заряженный пистолет подошло бы для криминального романа или психологической драмы, но не для хилого, уставшего от жизни нотариуса. К тому же Франсуа был человеком на редкость безликим и неприметным; Адам прекрасно помнил, что когда Люийе пришел к нему на повторный прием, он его просто-напросто не узнал.

Мало того, у него наметилось улучшение. Хотя в последний раз, если верить Сами, Франсуа был так же, если не больше дезориентирован, как и до начала лечения. Обычно пациенты реагировали на *Re-cognize* быстрее, но пока количество добровольцев не позволяло привести достоверную статистику.

– И что? – уверенно сказал Дэвид. – Кончай, Адам.

И полиция, так же как и окружающие, особого интереса к суициду не проявила, хотя обычно занималась такими происшествиями довольно внимательно. Расследование закрыли, даже не дав делу названия. Зарегистрировали под каким-то номером с обязательной дробью и отправили в архив. Пистолетом Люийе владел законно, у него была лицензия, он даже ежегодно платил за абонемент в тире в Порт-де-Ванв. Бедняга захотел решить свою судьбу самостоятельно, и его можно понять. *Все хорошо, что хорошо кончается*, – наверняка именно так он и рассудил. Без мучений, без раздражения и зависимости от окружающих. Такого конца не хочет никто. Все можно понять, но как вытащить засевшую в мозгу занозу? Люийе не выказывал никаких признаков депрессии. Он был в процессе лечения.

Как и та лабораторная мышь.

Тоже случайность, уверен шеф. Тут Дэвид полностью согласен со своим другом-соперником Эндрю Нгуеном: в конце концов, Люийе вполне мог принадлежать к плацебо-группе. Они так поначалу и думали, поскольку требования статистической достоверности с каждым десятилетием становятся все более запутанными. Двойной слепой метод имеет и обратную сторону: до определенного момента никто, кроме компьютерной программы, ничего не знает, иначе чистота эксперимента под вопросом. Ученые – непревзойденные чемпионы по части принимать желаемое за действительное. Особенно в фармацевтике. История с талидомидом¹⁶ еще у многих жива в памяти.

Под наблюдением нейроцентра “Крепелин” в Париже находились двадцать пациентов, десять из них получали *Re-cognize*, десять – плацебо. Кто именно что – ни один сотрудник не должен был знать, все данные за семью печатями в компьютере. И конечно, прерывать программу из-за одного несчастного случая было бы безумием. С другой стороны, похоже на то, как если бы разрубить змею пополам и долго изучать, признает голова свой хвост или не признает.

¹⁶ Талидомид – седативное и снотворное лекарственное средство, получившее скандальную известность после того, как было установлено, что в период с 1956 по 1962 год в ряде стран у женщин, принимавших талидомид, родились, по разным подсчетам, от 8000 до 12 000 детей с серьезными врожденными уродствами.

А мышка? Куда деть мышь Селии? Ни на плацебо не свалишь, ни на депрессию. Но про мышь даже говорить считалось неприличным, особенно в присутствии Дэвида. *Хватит уже про этого чертова грызуна.*

Тайные чуланы и коридоры науки. Адаму всего тридцать три, но он успел проплутать по этим коридорам столько, что хватит на всю жизнь. Гарвард и Гассер получили огромные, можно сказать невиданные в истории гранты на то, чтобы как можно быстрее вывести *Re-cognize* на рынок. И две исследовательские группы совершили невозможное. Прошло всего три года с тех пор, как первой мышь была сделана инъекция, а они уже в третьей фазе проекта – четыре тысячи добровольцев. Акции фармацевтической компании в Кембридже, зарегистрировавшей патент на *Re-cognize*, взлетели так, что шефам впору начинать курс лечения от мании величия. Остановить проект или хотя бы притормозить казалось невыполнимым. Адам попытался было дернуть стоп-кран и в результате оказался по другую сторону океана.

Нейроцентр “Крепелин” – первое и пока единственное учреждение, получившее разрешение на испытания препарата в Европе. Скорее всего, потому, что владели им американцы. Они тесно сотрудничали с соседями – Институтом Пастера, расположившимся на той же улице в Монпарнасе, но сотрудничество это было исключительно некоммерческим. Все деньги на проект Адама поступали из Гассера. До последнего евро.

Все успокоились, но не Адам. Адам не успокоился и не сдался. С утра до ночи работал, пытался решить загадку Люийе, понять, что пошло не так. Да, проявления агрессии и фрустрации замечались и у подопытных животных, и Адам не исключал, что они просто не обратили внимания на суицидальные тенденции пациента. Но он не мог избавиться от ощущения, что они торопятся, что надо взять паузу и внимательнее присмотреться к побочным эффектам применения препарата. Однако доказать обоснованность сомнений не удавалось, а единственное, что он мог предложить в качестве аргумента, – “я это ясно чувствую”. И привести с пяток примеров, когда именно интуиция какого-нибудь незаметного лаборанта не позволила ученым взять ложный след.

Вот и все.

– Первочеловеку почтение и благодарность!

Матьё подкрался так незаметно, что Адам вздрогнул. Поцеловал его в щеку, потом в другую. От него пахло табаком, опилками и каким-то одеколоном, неожиданным образом придававшим этим земным запахам изысканность и благородство. Адам попытался скрыть радость, но губы сами собой расплылись в улыбке, и раздражение тут же испарилось, будто его и не было.

– Извини, опоздал.

Глаза того цвета, который принято называть цветом морской волны, тесная черная майка под кожаной курткой, волна длинных темных волос.

– Кто-то прыгнул на рельсы. Мы простояли двадцать минут.

– Ты серьезно?

– Несчастный случай. Вернее, самоубийство.

– Кто-то его толкнул?

– У тебя американский ход мыслей. Мы здесь, в Европе, от убийств воздерживаемся. Несчастен – разбирайся сам с собой.

– Не особенно оптимистично.

– Я здесь не для того, чтобы нянчить твой оптимизм.

– А для чего ты здесь?

Матьё окинул его взглядом с головы до ног. В одну из первых встреч он спросил Адама, уж не работает ли тот моделью для какого-то из знаменитых парижских домов моды. И долго хохотал, когда узнал, что Адам никакая не модель, а нейрофизиолог, ученый. Исследователь функций головного мозга.

– Как это – для чего? Голоден как волк. Что бы ты съел?

– Не знаю. – Адам пожал плечами. – Гамбургер?

Матьё приснул:

– Гамбургер! И после этого ты смеешь утверждать, что любишь Францию! Ну нет. Сегодня – лягушачьи лапки.

– Шутишь?

– *Taste like chicken*, – произнес Матьё с неистребимым французским акцентом, положил Адаму руку на плечо и засмеялся. – Тебе понравится.

Они пересекли широкий бульвар и свернули на Рю Суффло. Голуби на мостовой неохотно посторонились. Окна террас ресторанов прикрыты полупрозрачными зимними жалюзи, по периметру установлены инфракрасные обогреватели. Матьё обнимал его за плечи, он совершенно не стеснялся публично выказывать нежность. Есть ли хоть одна другая страна, где любовь во всех ее проявлениях кажется не только естественной, но и главной составляющей жизни?

Под окном одного из баров целовалась парочка. Из окна доносилась музыка – на удивление, живая, не запись. Небольшая группа музыкантов – ударные, контрабас, скрипка и обязательный аккордеон. Город любви...

– Вот здесь, – сказал Матьё и показал на другую сторону. – Рю Сен-Жак.

Они пропустили несколько машин и перешли улицу. На холме, в мутном вечернем небе, четко вырисовывался подсвеченный купол Пантеона. Рука Матьё по-прежнему лежала у Адама на плече. Лягушки? Почему бы нет?

* * *

Гейл задержалась перед зеркалом освежить макияж. Много времени не потребовалось: добавила немного румян и провела помадой по губам, достав из сумочки тюбик. Девушка в магазине уговорила купить, хотя гигиенической помадой она не пользовалась с подросткового возраста. Посмотрела на Гейл с профессиональным участием и назидательно произнесла: *губы, как и кожа, нуждаются в постоянном увлажнении*. В ванной у них все снабжено этикетками, крупные черные буквы на белом фоне: МЫЛО, ЗУБНАЯ ПАСТА, ГЕЛЬ ДЛЯ БРИТЯ, ПОЛОСКАНИЕ ДЛЯ РТА.

Лекарства она давно убрала и заперла в ящике кухонного стола. Был случай, когда Роберт в ее отсутствие перепутал банки, – не смертельно, конечно, но мало ли что может произойти в следующий раз.

Поначалу ее больше всего угнетало, что она уже не может слепо доверять мужу, как доверяла всю жизнь. В первые месяцы это казалось крушением, но первоначальный паралич удалось победить, и Гейл постепенно научилась с этим жить. *So what?* Ну и что? Проверила, перепроверила – не так уж страшно.

Снова посмотрела в зеркало. Надо бы постричься. Может, сделать химию? И покрасить волосы – седина все заметнее. Майра в прошлом году решила заделаться блондинкой – результат превзошел все ожидания. А еще можно серо-седые пряди превратить в серебристые. Но тогда придется провести у парикмахера несколько часов. Нельзя на полдня оставлять Роберта в одиночестве.

Она еще раз проверила, все ли на месте, и вышла, предусмотрительно закрыв за собой дверь. Не стоит охлаждать спальню. Ванная комната – единственное место в доме с подогревом пола. Вечерний душ в тепле – что может быть лучше? А можно посидеть в джакузи.

Роберт сидел в своем кабинете и листал неизменный “Бостон глоуб”. Полосатая сорочка, бежевые мягкие брюки – все это она повесила на стул с вечера.

Он медленно поднял на нее глаза.

– Мне надо выйти по делам, – сообщила Гейл.

– По делам?..

– Так... разные мелочи.

Ей вовсе не хотелось рассказывать, что она идет на встречу родственников больных альцгеймером. Можно нарваться на вопрос: “А разве у них есть родственники?” Или еще хуже: “А зачем им встречаться?” А то еще того чище: “Кто такой Альцгеймер?”

– Ну хорошо. Хорошо. – Подумал и повторил: – Хорошо.

– Приду довольно поздно, часов в восемь. Не позже восьми. В холодильнике салат, все уже готово, я даже заправила. И хлеб там же, только сунуть в тостер. Поешь в шесть, самое позднее в полседьмого.

– Да-да... обязательно.

– Нейт должен позвонить. Передай привет.

– Когда? Сейчас?

– Не знаю, когда позвонит, тогда позвонит. Возьми трубку, с ним всегда приятно поболтать. И не забудь поесть.

За последние месяцы Гейл продумала все до мелочей. Понимала, что права на ошибку нет. И все равно как-то раз Роберт включил пустую кофеварку, забыл налить воду. Донышко раскалилось, и если бы не сработал какой-то внутренний предохранитель, то пожара было бы не избежать. Да здравствует технический прогресс – на старых машинах никаких предохранителей не было.

– Телефон со мной, звони, если что.

Роберт кивнул непринужденно, как в старые времена, когда схватывал все на лету. А сейчас у нее даже не было уверенности, понял ли он сказанное. Разумеется, ее имя стояло первым в списке контактов, набранное крупным жирным шрифтом, но у этих современных телефонов миллион функций, к тому же они довольно требовательны к мелкой моторике, Гейл и сама все время путалась. Она не раз жалела, что позволила убрать старый городской телефон. Во-первых, чтобы вызвать заранее внесенный в список номер, всего-то надо нажать одну большую кнопку, а во-вторых, эти манипуляции за годы повторялись столько раз, что стереть их из памяти даже неумолимому ластику альцгеймера вряд ли под силу.

На пороге она помедлила. На всякий случай – а вдруг вынырнет из тумана годами затверженный ритуал: поцелуй в щечку, рука на плече, я тебя люблю, осторожней за рулем.

Нет, конечно. И возможно, это одна из причин, отчего ей не хочется идти на встречу родственников. Уже ее появление там – как признание вины в суде: да, я родственница. Жена. Значит, я тоже виновата в том, что с ним случилось. Нелепо. Гейл от природы не была сентиментальна, подобные душещипательные сцены никогда не привлекали ее и даже слегка коробили некоторым, как ей казалось, неприличием.

Мы собрались ради тебя. Расскажи про свои ощущения.

То, что происходит за закрытыми дверьми в гостиных и спальнях, – личное дело каждого. Она была не из тех, кому доставляет удовольствие ковыряться в чужих ранах, даже если уговорить себя, что пытается их залечить.

Но сохранять показную бодрость ей с каждым днем все труднее и труднее. Гейл еще немного поразмышляла и решила поехать. Не столько помогать товарищам по несчастью, сколько в надежде, что кто-то поможет ей самой. Не повредит. К тому же это довольно далеко от дома, в Ньютоне. Риск встретить знакомых исчезающе мал.

Когда все началось, ей то и дело приходила в голову мысль, насколько лучше было бы, если б заболел не Роберт, а она.

Благодать забвения.

Это заумное выражение она вычитала в книге. *Больные не знают, что ничего не помнят. Возможно, такая мысль и приходит им в голову, но они тут же забывают и про нее.*

Тот, кто это написал, никогда не встречался с подлинной деменцией. Никакой благодати – ни для больного, ни для родственников. Разные, постоянно чередующиеся круги ада. Врагу не пожелаешь.

– Ухожу, – сказала она в прихожей себе самой, но довольно громко.

Накинула пальто и спустилась в гараж. С почти забытым удовольствием вдохнула запах кожи, смешанный еще с чем-то, с какой-то химией, моющим средством, возможно, – запах новой машины не спутаешь ни с чем. Села за руль “ягуара” и нажала кнопку на пульте. Ворота медленно поползли вверх. Что-то там скрипнуло – надо смазать подъемник. Мотор сыто заурчал, и в ту же секунду из динамиков полилась музыка.

Малер, Вторая симфония. Прекрасная, до слез, музыка.

Нет, не Роберт приучил ее к классической музыке, хотя он и был ее страстным поклонником. Отец Гейл играл в симфоническом оркестре. Она тогда была еще совсем маленькой. А потом ушел из семьи. “Я должен посмотреть мир” – так в мамином пересказе звучало объяснение его исчезновения. Отец исчез, а любовь к музыке осталась. Возможно, подсознательно она чувствовала, что нежное и мощное звучание симфонического оркестра – единственное, что связывает ее с отцом. Играть она так и не научилась, зато научилась слушать. Даже не слушать – вслушиваться. Казалось, где-то там, в сложном переплетении гармоний, в нервном тремоло альтов, в грозной дробии литавр кроется ключ, который поможет понять, почему отец ее покинул.

Она не пропускала ни одного концерта, где исполнялись его любимые композиторы – Малер, Брукнер, Бетховен. По рассказам мамы, отец был совершенно без ума от Бетховена. В

доме постоянно звучала музыка, и во избежание нервного срыва маме приходилось затыкать уши.

Мама с поролоновыми пробочками в ушах – пожалуй, единственное сохранившееся в памяти Гейл воспоминание об отце. Хотя, может быть, и это она вообразила. Но когда разобрала вещи умершей матери и наткнулась на коробочку, в которой сохранилось несколько таких грушевидных ярко-желтых затычек, сразу представила картину: отец слушает музыку, а мама затыкает уши.

Прошло шестьдесят лет, а она продолжала слушать. Конечно же, отца она давно перестала искать, но любовь к музыке осталась. Раньше они с Робертом покупали филармонические абонементы, ходили каждый месяц, но и это позади.

Кстати, Роберт недолюбливает Бетховена – этот композитор кажется ему чересчур эмоциональным. Как-то он даже употребил слово “нестабильный”. *Бетховен нестабилен*. Гейл всегда внутренне улыбалась, пыталась понять, что именно выводит мужа из равновесия. И однажды он определил причину раздражения: “немотивированная ярость”. И объяснил: как будто шел-шел Бетховен по улице, а ему на голову из окна набросили одеяло, и он тычет кулаками во все стороны без всякого смысла. Малер – другое дело. Малера он принимал безоговорочно.

Они уже давно не говорили о музыке, но на днях Гейл заметила, что Роберт слушает трансляцию из Нью-Йорка, а рука на колене непроизвольно движется, как будто дирижирует. Как будто *помнит*, как будто предугадывает каждую следующую модуляцию. Да не “как будто” – наверняка в самом деле помнит, иногда ни с того ни с сего повторяет наизусть полный текст романса или еще того чище – латинские строки “Реквиема”. *Dies irae, dies illa solvet saeculum in favilla...* В такие минуты у Гейл появлялась надежда – как ни ужасна болезнь, она не в силах полностью разрушить миллиарды нейронных цепочек врожденного и десятилетиями оттачиваемого интеллекта.

Затормозила у светофора, и машину слегка занесло, с характерным скрипом сработала антиблокировочная система тормозов. Температура минусовая, а на дорогах слякоть. Слишком много соли и слишком мало снегоуборочных машин. На виллах вдоль дороги еще не сняли рождественские гирлянды. Перед одной из вилл две пары санок. На вопрос, кому по душе такая волчья зима, ответ очевиден: детям.

Встреча родственников назначена в здании методистской церкви в Ньютоне. Почему – непонятно. Возможно, кто-то из организаторов – почетный член общины. Или зал предоставили бесплатно, в порядке благотворительности. Пару дней назад она на всякий случай позвонила и получила благожелательный ответ: никакой записи, просто приходите.

Расчет времени оказался довольно точным, правда, небольшая пробка на въезде отняла минут пять. Все равно времени купить продукты хватит. Как всегда в последнее время, вошла в супермаркет, настороженно оглядываясь, – ей вовсе не хотелось встретить кого-то из знакомых и выслушивать вопросы: *ну как там Роберт? Что-то его давно не видно, не заболел ли?*

Но опасения оказались напрасными, у людей полно своих забот. И поговорить есть о чем – погода, очередные выборы, почему дети долго не звонят.

На покупки ушло десять минут, хотя Гейл с удовольствием задержалась бы, она любила ходить по магазинам: цель ясна, средства тоже, можно ни о чем другом не думать. Разве что мысленно планировать рецепт или прочитать рекламу на новых продуктах.

Поставила пакеты в багажник. Сетку с чудесными зрелыми авокадо пристроила рядом на сиденье, чтобы не помялись. Опустила солнцезащитный козырек и глянула в зеркало, любовалась жемчужными сережками – подарок Роберта на тридцатилетие свадьбы. Ничего особенного, но она их очень любила.

Повернула ключ, и вновь из двенадцати динамиков полилась Вторая Малера. Симфония Воскресения.

Парковка перед церковью почти пуста – восемь или девять машин. Гейл посмотрела на часы – есть еще несколько минут, можно дослушать непрерывное вальсирующее движение третьей части, заканчивающееся хриплым, чуть ли не предсмертным ударом гонга. Что за музыка... Она каждый раз с трудом удерживала слезы скорби и восхищения.

Вышла из машины, несколько раз глубоко вдохнула. Церковь, как и большинство евангельских церквей, была не слишком похожа на церковь. Здесь могли бы устроить школу или, скажем, фитнес-зал. На двери объявление.

ДЕМЕНЦИЯ И АЛЬЦГЕЙМЕР,
ГРУППА ПОДДЕРЖКИ
ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ!
ЗАЛ СОБРАНИЙ

В коридоре со штабелями стульев вдоль стен и бесконечными пробковыми досками для объявлений пахло моющим средством для пола – вербена и лимон.

Она открыла дверь ровно в шесть – опоздать еще хуже, чем прийти слишком рано. Остановилась на пороге и сосчитала участников. Семь человек. Стулья поставлены в кружок.

Руководитель с типичными повадками психотерапевта приветливо махнул ей рукой, улыбнулся и показал на свободное место.

– Вовремя. Мы как раз начинаем.

Она тоже, хоть и не без труда, изобразила улыбку. Стиснула в кулаке тонкий ремешок от сумочки “Фенди”, прижала к животу и села, не снимая пальто. Прошло несколько минут, прежде чем Гейл немного успокоилась и опустила сумку на колени.

* * *

– Что-то не так... – сказал Адам. – Что-то не сходится.

– Что именно? – спросила Селия по другую сторону океана.

Похожа на ангела. Белый халат, светлые волосы, белая кожа. Может, что-то с освещением или веб-камера такая. Адам вообще не мог вспомнить случая, когда он видел Селию накрашенной. Даже на ужинах со спонсорами. *У нее свой стиль*, сказал про нее кто-то, но можно ли вообще назвать это стилем? Если и можно, то стиль выбран удачно: чтобы его придерживаться, не требуется никаких усилий. Сразу видно – она не из тех, кто с утра настраивается хоть кого-нибудь да соблазнить. Тоненькая, женственная, а стальной стержень замечен сразу. Одевается, будто хочет подчеркнуть: мода меня не интересует. И взгляд прямой, открытый, точно видит тебя насквозь и пытается примириться с тем, что увидела. Адам много раз пытался выработать такой взгляд, но успеха не достиг.

Короче говоря, красивая девушка. Выглядит совсем юной – наверное, в любом пабе приходится предъявлять удостоверение. Но Адам случайно узнал – его ровесница. Тридцать три.

– Четыре раза.

– Что четыре раза?

– Я прогнал данные по четырем моделям, результаты не сходятся. Различия не такие большие, как вы пишете в статье. Особенно если сравнить с первой серией.

– С какой группой ты работал?

– Сентябрьские.

– Там, если не ошибаюсь, только ПЭТ-контроль.

– И что?

– Как это что? Картинки на МРТ-ПЭТ гораздо легче интерпретировать, чем на сцинтиграммах. И они показывают значительное уменьшение накопления препарата в префронтальной области.

Адам покачал головой:

– Не получается. По моим данным не получается. Редукция статистически не подтверждается.

– На групповом уровне – согласна, четкой корреляции нет. Но на индивидуальном – потрясающе.

– Кончай уже. *На индивидуальном...* Мы же не собираемся производить препарат для индивидов.

– Не пойму, что ты хочешь. Это же наша первая ПЭТ-группа. Мы начали с нуля, но уже видны четкие показатели снижения тау-белка.

– *Показатели...* – Адам не удержался и опять передразнил интонацию. – Брось, Селия...

– Что ты имеешь в виду?

– Сама прекрасно понимаешь. Результаты могут вводить в заблуждение. Или вы заведомо предвзято толковали данные.

– Ты и в тот раз это утверждал, Адам. И чего добился? Сослали в другую лабораторию.

Адам посмотрел на дисплей – Селия улыбалась. Ей-то откуда знать?

Он вырос на Манхэттене. Отец – успешный ресторатор, мать – танцовщица, окончила Джульярд и основала собственную танцевальную студию. Пара всем на зависть: состоятельные, успешные, да еще и сын-красавец, хоть сейчас на обложку журнала. Но Адаму было не особенно уютно в семье – надо было соответствовать непререкаемому идеалу матери, мириться с полным невниманием отца и приспособливаться к его сумасшедшим выходкам. Ни один из родителей даже бровью не повел, узнав о нетрадиционной ориентации сына, в их полубогемном мире выше всего ценилась свобода. Если никто не покушается на твою личную жизнь, то

и у тебя нет права вмешиваться в чужую. И все же тинейджерский период Адам пережил очень тяжело. Желание любви не освещало, как у многих, жизнь – наоборот, стало мучительным и безответным томлением.

С годами Адам понял, что отцовское невнимание, которое он воспринимал как равнодушие и даже нелюбовь, на самом деле было отсутствием уверенности в себе. У каждого свой способ борьбы с собственными демонами – отец выбрал постоянное движение. И Адам унаследовал эту внутреннюю суету и спешку, никак не мог избавиться от страха: остановишься – тебя поймут. В университет он поступил в надежде избавиться от сумасшедшего, постоянно на виду, образа жизни родителей. Но обрести душевное равновесие все равно не удавалось, и только теперь, в Париже, элементы пазла начали то короткими, то рекордными прыжками пробираться на предназначенные им места. Здесь он не чувствовал себя чужаком – как ни странно, именно потому, что и был им. Чужая страна, чужой язык, чужая культура. Турист, иностранец. Можно замедлить бег, а то и вовсе остановиться. Здесь все такие.

Париж стал его спасением. Но Селии-то откуда про это знать?

– Посмотри еще раз на картинки. Насчет формулировки – согласна. Ты же знаешь Эндрю... подумаю и изменю. Но результат остается результатом. Это неоспоримо. И мы получим еще больше доказательств, когда закончим эксперимент. Как с твоими мышками?

– Скоро финиш, но таких впечатляющих результатов, как у вас, я не вижу.

– Адам! Нельзя же сомневаться во всем!

Он хотел было возразить: это наша обязанность – сомневаться, но промолчал. Селия, как мало кто в отрасли, честна и дотошна на грани с комическим. Наверняка она относится к его двойным и тройным проверкам снисходительно, потому что и сама такая. А терпение – о таком терпении можно только мечтать. Он сам был свидетелем яростного спора Дэвида с доктором Нгуеном, и надо иметь железные нервы, чтобы держаться так, как держалась Селия. Но она принадлежала к тому типу ученых, которые произносят слово “наука” с заглавной, да еще увеличенной под лупой буквы. Он бы не удивился, если бы узнал, что у нее дома висит багряно-красный гарвардский плакат с одним единственным словом: VERITAS.

Ее идеализмом можно, конечно, восхищаться, но за последние годы знаменитый университет несколько конвертировался. Поклоняются уже не VERITAS, не ИСТИНЕ, а деньгам. Нет, бесспорно, здесь по-прежнему работают замечательные ученые и профессора, но... как сказано в Евангелиях: *Не можете служить Богу и маммоне*¹⁷. Руководству то и дело приходилось объясняться, почему они приняли крупные пожертвования от того или иного русского олигарха или каких-то еще более сомнительных спонсоров. Любое заседание начиналось и заканчивалось одним-единственным вопросом: где взять дополнительное финансирование?

Он приготовил достойный ответ, но как раз в этот момент к Селии в комнату кто-то вошел. Та глянула, тут же обернулась и сделала страшные глаза.

– Поговорим попозже, Адам. Сейчас не могу.

Он кивнул: само собой – и нажал красную кнопку отбоя. Покосился на часы в правом нижнем углу и привычно удивился – как быстро летит время!

И что ему дал этот разговор?

И чего ты добился? Сослали в другую лабораторию.

Значит, Селия тоже так считает – его отправили подальше от Гассера, чтобы не путался под ногами со своим нытьем и бесконечными перепроверками. Многие так и думают, хотя в действительности Адам сам мечтал устроиться работать в нейроцентр “Крепелин”. Но что правда, то правда: отношения с Дэвидом становились все более напряженными. Шеф все время винил его, дескать, задерживает эксперимент, а последней каплей стало то, что в прошлом году Адам поделился данными с одним из злейших врагов Дэвида, не сказав ему ни слова.

---

¹⁷ Мф. 6:24, Лук. 16:13.

Поделится данными со злейшим врагом... Чуть собачья. Несоразмерная реакция. С понятием “злейший враг” Адам распрощался еще в подростковом возрасте. Все его преступление заключалось в том, что он послал кое-какие данные группе в Колорадо в обмен на разрешение воспользоваться их методами – совершенно нормальный, общепринятый ход. Гарвардская группа постоянно сотрудничала с Колорадо. У них даже были совместные публикации, в том числе и прорывные. Но Дэвид, с его параноидальными взглядами на лояльность, затаил злобу. И как только в Париже открылась лаборатория физиологии мозга, тут же отправил его туда, вряд ли догадываясь, что это совпадает с желанием самого Адама.

В конечном счете что за разница, кто, кого и куда послал? Работу в Гассере он не потерял, продолжал работать онлайн, а время в Париже все равно ограничено продолжительностью эксперимента. Закончил серию – будь любезен возвращайся. Но вот что забавно – после отъезда Адама отношения с Дэвидом немного наладились. Оказывается, шесть часовых поясов вполне способны сгладить острые углы и придать общению более или менее цивилизованный характер. Сказали тебе что-то неприятное, а ты понимаешь, что произошло это шесть часов назад и горючиться как-то глупо.

Нельзя же сомневаться во всем, сказала Селия. Но она не слышала то, что слышал он, – закулисные переговоры Дэвида и Эндрю с чиновниками из *NIH*, Национального института здоровья. Она не присутствовала на экстравагантных ланчах со спонсорами – там-то дозволено все, лишь бы произвести впечатление как на состоятельных благотворителей, так и на распорядителей грантов по должности. Как-то Дэвид вынужден был отозвать уже опубликованную статью, пришлось писать в редакцию покаянное письмо: мол, легшие в основу публикации данные не подтверждены (*не имеют стопроцентной статистической достоверности*, было написано в письме). Короче и понятнее: Институт Гассера нарушил правила игры в дартс. Метнули дротик и нарисовали вокруг него мишень. Скандал замяли, все ушло в песок – Дэвид, как угорь, мастерски ускользал из любых подобных переделок. Селия может говорить все что угодно насчет *здоровой сердцевины* у Дэвида Мерино – а именно так она и выразилась, – но верить ему нельзя. Впрочем, как и ее шефу, Эндрю Нгуену. В этом пилотном проекте никому не удавалось сохранить ясную голову. Первые сенсационные результаты испытаний *Re-cognize* превратили ученых в банду золотоискателей.

Точно, вот так эта болезнь и называется: золотая лихорадка. Научную трезвость сохранить почти невозможно, мало кто в состоянии устоять.

Дэвид... Адам, как и Селия, старался разглядеть в Дэвиде Мерино здоровую сердцевину. Никакого труда это не составляло, он действительно производил прекрасное впечатление. И надо признать: Дэвид всегда готов грудью встать на защиту сотрудника. Но при одном условии: ты должен быть стопроцентно лоялен. Его обаяние, юмор, находчивые реплики – противостоять если не невозможно, то очень трудно. И главное, к Адаму-то он как раз относился прекрасно. Зачислил в лабораторию, даже не дождавшись конца интервью. И все бы хорошо, но Адама смущала витавшая вокруг Дэвида аура бесшабашности. У него то и дело возникало чувство, что Дэвид вполне способен перейти границы, и не только в отношении женщин и морали.

Но что да, то да – с помощью обаяния и умения убеждать Дэвид выбивал большие, серьезные гранты. Но тут-то и таилась ловушка: серьезные гранты подразумевают серьезные результаты. От результатов зависела вся его карьера. А если результатов нет, остаются два выхода: честный и... скажем так, не особенно. Но это как посмотреть. Адаму часто казалось, что если Дэвид убежден в результате исследования, то ему ничего не стоит умножить, скажем, экспериментальную выборку на два или на три. *Мы же знаем, что эксперимент безупречен, а время подгоняет. Нельзя же сомневаться во всем.*

Адам так и не мог разгадать Селию. Или она выросла в какой-то идеальной семье, или, наоборот, детство было таким чудовищно трудным, что несуетливый оптимизм выработался у нее в качестве защитного механизма.

Надо собраться с духом и спросить. Когда-нибудь все равно придется это сделать.

Ангел с дисплея исчез, телефон тоже молчит. От Матьё уже несколько дней ни одной эсэмэски. Адам бросался на каждый звонок мобильного, но всегда это оказывался кто-то другой. Настоящая пытка. Они встречались в прошлое воскресенье, это было замечательно, хотя уверенности, что Матьё воспринял это точно так же, у Адама не было.

Нельзя же без конца посылать сообщения. Еще одно – и Матьё сразу поймет: он в отчаянии.

Уже четыре часа, а он еще ничего не сделал. Какие-то ерундовые, ничего не значащие дела толкнутся в очереди за право откусить заметный кусок дня, не говоря уже о бесконечных видеоконференциях и совещаниях. У французов особый темп жизни. Они, по-видимому, так и не отделались от национального сибаритства – в утренние часы еле двигаются, потом настает очередь двух-, а то и трехчасового ланча, и никому даже в голову не приходит, что в это время полагается выполнять порученную работу. В Нью-Йорке работают с рассвета до заката, ланч – если повезет. Взамен люди могут себе позволить десятки двухминутных перерывов – пожевать, сделать пару упражнений или перекинуться словом-другим с коллегами.

Американский образ жизни переводу на другие языки не поддается.

Адам вздохнул. Еще только четыре. Открыл присланную Селией статью и начал вычитывать. Рано или поздно все равно придется позвонить Дэвиду и доложить – любой утаенный контакт с Гарвардом тот расценивал как предательство. И не только с Гарвардом – с какой угодно другой задействованной в проекте лабораторией. И кстати, не только Дэвид – Нгуен тоже не хотел ничем и ни с кем делиться.

– Скверные новости, Адам.

Адам вздрогнул и резко развернул стул. Сами.

– Почему?

– Одна из твоих мышей.

Густая, похожая на птичье гнездо шевелюра поблескивает в равнодушном свете жидкокристаллических ламп на потолке. Сами, пожалуй, самый талантливый в группе, но... не то чтобы необщительный, нет, так сказать нельзя, обсуждать с ним что-то – одно удовольствие. Но Сами терпеть не может пустую болтовню и без стеснения дает это понять.

– Что?

– Сдохла.

– Сдохла? Не может быть...

У Адама появилось ощущение, что на нем немилосердно стянули пояс. Уже немало мышей погибло, у них просто нет права еще на одну необъяснимую смерть. Экспериментальная часть проекта *Re-cognize* уже напоминает этический кошмар.

– Пневмония. – Сами отрицательно покачал головой, будто прочитал мысли Адама. – Бактериальная пневмония. Никакой катастрофы, но проблема в другом. В клетке были три мыши. Ветеринары хотят усыпить остальных двух.

– Но это же...

– Альтернатива – антибиотики.

– Но это же невозможно! Микроглия – важный элемент иммунитета. Антибиотики повлияют на результат.

– Знаю.

– И что будем делать?

Сами пожал плечами на ковбойский манер, но с заметным сочувствием:

– Это твои мыши.

Вид не менее грустный, чем принесенная им новость. Две застиранные футболки одна поверх другой, темные круги под глазами. Сами родился в крошечной сирийской деревне, родители погибли – в их машину заложили бомбу. Два брата и маленькая сестренка ухитрились бежать в Турцию на грузовике – спрятались в стоящем в кузове большом деревянном ящике. В лаборатории молчаливый и загадочный Сами воспринимался как чужак, но Адаму он очень нравился. У Сами было удивительное чутье, он безошибочно находил слабые места в эксперименте. К тому же он не очень свободно владел языком, что в глазах Адама было преимуществом: Сами говорил только самое необходимое, на ненужные детали просто не хватало словарного запаса.

– Возможно, эта история вообще никак не повлияет на результат.

– Возможно, – грустно согласился Адам. – Мы все равно обязаны указать, что применялись антибиотики. И ни один журнал... ты же сам понимаешь – кто примет работу с контаминированным экспериментом? Придется все переделывать.

– Да... придется.

– Где вообще она могла подхватить эту инфекцию? – Раздражение росло по мере осознания нелепости ситуации. Они и так давно превысили запланированный срок. Несколько месяцев опоздания.

– Кто-то небрежничал. Другого объяснения нет.

– Черт бы подрал... три месяца коту под хвост.

– Так что сказать ветеринарам? – уже на пороге спросил Сами с таким видом, будто извинялся, что отнял столько времени.

Адам глубоко вздохнул.

– Пусть усыпляют.

Сами молча исчез, после чего Адам повел себя весьма необычно: вслух произнес несколько грубых, чисто американских ругательств. Дэвид Мерино такого ни за что бы не допустил. *Снебрежничал...* Как будто этот кто-то, кто *снебрежничал*, знать не знал, чего стоит такая небрежность. Впрочем, во Франции гигиена – понятие довольно размытое. Чтобы прийти к такому заключению, достаточно спуститься в метро в час пик.

Адам выключил монитор и встал. Дэвида удар хватит, когда узнает. Три бесценные мышки улетели в свой мышинный рай, не пожелав поделиться хоть какими-то результатами.

Он вышел на улицу. Было не особенно холодно, но небо затянуто тучами, а в воздухе висит морозящий парижский дождичек. Зимы в Париже действительно можно назвать зимой с большой натяжкой – разве что в том смысле, что погружает в депрессию. Адам нашел лавку под навесом и присел, и в тот же момент пискнул телефон.

Не глядя на дисплей, зажмурился на секунду – а вдруг поможет исполнению желаний? Расхожее мнение – любовь превращает человека в ребенка. Даже какие-то афоризмы существуют на этот счет. *Всем влюбленным по двенадцать, то-то взрослые и злятся.* Представил лицо Матьё – зеленые глаза, длинные густые волосы, модная небритость, которую почему-то называют интеллектуальной. *Интеллектуальная небритость*, что бы это ни значило. Очевидно, человек настолько занят своими чересчур интеллектуальными мыслями, что не успевает побриться.

Нет – сообщение от мобильного оператора. Пора пополнить карточку.

Адам раздраженно сунул телефон в карман и снова выругался, на этот раз еще затейливее. Как же он устал от всего этого спектакля! Сплошное, бесконечное ожидание. Короткие, слишком короткие моменты счастья – и вновь томительное, выматывающее ожидание. Если он уже ничего не значит для Матьё, то достоин ли Матьё занимать все его мысли? Может, и нет, но что поделаешь? Он тосковал по Матьё так, что ему иногда казалось: достаточно хотя бы увидеть друга, хотя бы... как там у Жака Брея? *Тень его руки, тень его собаки, хотя бы тень его тени...*

Одержимость – другого слова не подберешь.

Тридохлые мыши, а теперь еще и это. Он сунул замерзшие руки в карманы и долго сидел и дулся – то ли на нерадивых лаборантов, то ли на Матьё, то ли на самого себя.

* * *

– О боже... – Селия прикусила губу. Отец в койке, под желтым больничным одеялом, с белоснежной повязкой на лбу. – О, папа...

– “О боже”, пожалуй, да, а вот “о, папа” рановато, Тыквочка. Живу пока. – Тед Йенсен с интересом посмотрел на завязанный подарочной ленточкой яркий пакет у нее в руках. – Я и не знал, что у меня сегодня день рождения.

Селия протянула отцу пакет и присела на край больничной койки.

– Выглядишь ты ужасно... Болей нет?

– Меня накачали какими-то свирепыми таблетками. Если честно, они так ударили в голову, что я не уверен, есть она у меня или нет... – Он дурашливо-серьезно пощупал голову и, поморщившись, кивнул: – Пока есть. Жить можно.

Легкое сотрясение, доктор Йенсен. Рана на лбу неопасна, выглядит страшнее, чем на самом деле. У вашего папы есть ангел-хранитель.

– Значит, ты решил погулять... шел снег... – Селия никак не могла сообразить, какой тон выбрать.

Наконец Тед размотал все ленточки и обертки и достал белую коробочку.

– Ты ангел, Тыквочка.

Дрожит правая рука. Раньше этого не было. Или она не замечала? Может, лекарства так действуют?

– Неделями не кормят, – пожаловался Тед. – В этой больнице понятия не имеют о настоящем сервисе. Так они всю клиентуру растеряют. – Он неожиданно пукнул и пожаловался: – Вот видишь? Нервы ни к черту.

Селия улыбнулась. Эта шутка – ее ровесница... Небритый, бледный.

– Ты похудел, папа.

– Вот еще! Ничего я не похудел. Это у них одежда такая. Натянешь эту хламиду – десять кило долой.

И в самом деле, трудно придумать более безобразное одеяние, чем стандартная больничная рубашка. Селия посмотрела на прикроватный столик. Ничего, кроме огромной, не меньше литра, пластмассовой кружки с ярко-синей, величиной с лошадиный хомут ручкой. Улыбка умерла. В этих неестественных размерах было что-то трагическое, так же как и в часах с огромными цифрами для дементных, которые продают в аптеках. Как будто старики и больные к концу жизни вновь превращаются в детей.

Тед Йенсен откусил шоколадку в форме медвежонка и причмокнул.

– Где ты взяла такую прелесть?

– Шоколатерия в Бикон-Хилл.

– Шоколатерия! – Тед весело, по-детски, рассмеялся. – Ой-ой-ой... Чистейший декаданс!

– Постмодернизм, никуда не денешься.

– А вот когда я был совсем молодым...

Селия прекрасно знала, что последует за этим знакомым с детства зачином. В то лето Тедди было семнадцать, он сбежал из дома и спускался на байдарке по Аллагашу¹⁸. Дальше будет тетушка на заправке, которая продавала знаменитый во всем Мэне картофельный шоколад по пятьдесят центов фунт.

Она с нежностью посмотрела на отца. В палату заглянуло вечернее солнце, белая повязка на лбу, казалось, фосфоресцировала. Опять пошел гулять... Парень в кабине снегоуборочного бульдозера заметил его вовремя – вернее, почти вовремя. Страшно подумать – а ведь мог бы

---

¹⁸ Горная река в штате Мэн.

и не заметить. Странная тень в снежной вьюге, заматающей границы между небом и землей. Бульдозер весит несколько тонн.

А вы никогда не думали? Существуют же специальные учреждения, дома для senilных пациентов...

Селия гнала от себя эти мысли, но получалось плохо.

На этот раз отец изрядно сократил историю с картофельным шоколадом. Намеренно? Или подзабыл?

Он протянул коробку Селии:

– Угощайся, Тыквочка.

– Спасибо, папа, я не голодна.

Из всей семьи осталась одна Селия, все остальные умерли. Пути Господни неисповедимы. Решать ей – а как? Оставить отца в бунгало, в котором он прожил всю жизнь? Хорошее заведение было ей попросту не по карману, а в обычный, финансируемый из бюджета дом престарелых – спасибо, не надо. Ничего ужасного, но тоска зеленая. Отец там мгновенно зачахнет без общения.

– Не голодна? Это меня радует. Мне больше достанется.

Он взял еще одно пралине и, не глядя, положил коробку на тумбочку. Селия не могла оторвать глаз от дрожащих рук. Был ли тремор и раньше, а она просто не замечала? И когда он последний раз смотрел в зеркало? Небритый, волосы отросли.

Вы же сами знаете, как течет болезнь. Перспектива... прямо скажем, печальная.

Перспектива печальная и туманная, а на горизонте – бетонная стена.

– Замечательно... даже не думал. Оказывается, еще не разучились делать хорошие конфеты. И то разучились делать, и это, а конфеты пока не разучились.

– Повезло.

Надо бы прицепить к его джинсам GPS-передатчик. Но... в конце концов, не так уж он и болен. И руки вроде бы не дрожат – наверное, показалось. У страха глаза велики.

Селия печально вздохнула и опасливо покосилась на отца: не заметил ли? Будет только хуже... А ведь есть средство избежать кошмара.

И тут же отбросила эту мысль.

В полуоткрытую дверь постучали, и в палате появилась медсестра.

– Вашему папе надо померить давление.

– Да, конечно... мне все равно пора. Папа, доктор Грег говорит, что они тебя подержат до завтра, для наблюдения. Вечером забегу проведать, а утром заеду.

– Ты чересчур меня опекаешь. Я же могу взять такси.

– Отдыхай.

Селия чувствовала себя виноватой. Надо бы посидеть с отцом, но что делать? Она пообещала Эндрю провести презентацию для руководства госпиталя и уже почти опаздывала. Будут пробки – опоздает.

– Вечером увидимся.

– Не надо, Тыквочка. Не насилуй себя. Тут полно красивых медсестер. В очереди стоят, чтобы со мной пококетничать. Угощу конфетами – и они у моих ног. Но не волнуйся. Тебе тоже достанется.

Селия засмеялась. Как бы ей хотелось сохранить эти моменты, когда отец так весел, игрив и даже остроумен...

– До вечера!

Она нагнулась, поцеловала его в щеку и побежала к выходу. По пути схватила в больничном кафе маффин с изюмом – пока не голодна, но потом наверняка захочет есть. Расплатилась и послала эсэмэску Эндрю Нгуену: извини, задерживаюсь, навещала отца в больнице. Уже в дороге, скоро буду.

Буквально через несколько секунд зазвонил телефон. Эндрю.

– Что с отцом?

– Упал... не заметил снегоуборщик.

Квадратные очки Нгуена внезапно заполнили весь экран – зачем-то поднес телефон к самому носу.

– Ну и как он? – прошептал страшным шепотом.

– Ничего... легкое сотрясение.

– А чем твой отец болен? Деменция?

Нгуен, как правило, не затрудняется с выбором выражений, но на этот раз в голосе прозвучала искренняя озабоченность.

– Не знаю... – отчего-то солгала Селия.

– Сколько ему?

– Шестьдесят пять.

Эндрю нахмурился и кивнул:

– Оставайся с ним. Можешь сегодня не приходить.

– Нет необходимости. С отцом все в порядке.

– Это *твой отец*, Селия, – с нажимом сказал Эндрю. – Ты сейчас в клинике?

– Да... на выходе. А как же презентация? – запротестовала она.

– Ты можешь поработать и там. Адам вернул рукопись, сейчас скину тебе его правки.

Пройди текст, внеси что нужно... если нужно. Подрегулируй, чтобы статья была к утру готова.

– А презентация?

– Сам проведу, не беспокойся. Ты, оказывается, говорила с комиссией по этике? Я видел твое сообщение.

– Да. – Селия оживилась. Если что и отвлекало ее от мрачных мыслей, то это работа. –

Теперь кто-то из нас должен присутствовать на каждой операции.

– Кто-то из нас? Ты, к примеру?

– Я, Ко-И... кто-то. Хорошо бы Мо. Эсте тоже предложила, если нужно. Но это только на один месяц, они просто капризничают...

– Засранцы, вот они кто! “Капризничают”...

Селия опасливо покосилась на старушку с бубликом рядом – телефон был включен на громкую связь, чтобы не прижимать к уху. Слышала грубость или нет?

– Отвяжутся, – пробормотала она.

Волей-неволей Селия была замешана в конфликт с комиссией по этике. Ветеринары утверждают, что Эндрю небрежно обращается с подопытными животными. Экономит на болеутоляющих и якобы как-то позволил себе говорить о животных в *уничижительном* тоне. Слышали бы вы, ветеринарно-этические величества, в каком тоне он говорит с сотрудниками...

Определенно, ветеринары – самая чувствительная и уязвимая категория. Хотя нельзя сказать, что обвинения возникли на пустом месте. Что да, то да – Эндрю, особенно в плохом настроении, несет иной раз черт-те что. Но Селия прекрасно знала и одного из самых непримиримых ветеринаров, тот в этом смысле еще почище Нгуена – например, после ошибки Эндрю в эксперименте, в результате чего мышка погибла, взял да намекнул на азиатское происхождение их шефа. Чему, мол, удивляться? В Корее собак едят. Возможно, некое моральное преимущество у ветеринара и было, но этим идиотским высказыванием он это преимущество полностью уничтожил. Родители Эндрю приехали из Вьетнама через месяц после того, как Джеральд Форд сменил Никсона на посту президента США. Фотография с церемонии натурализации, где вся семья широко улыбается на фоне звездно-полосатого флага, висит на стене кабинета Эндрю, на самом видном месте. А сам он во Вьетнаме никогда не был, вырос в пригороде Бостона.

Корея – это Корея, а Вьетнам – это Вьетнам, но намек более чем прозрачный. Селия еще не достигла возраста, когда люди могут мириться с такого рода расистскими высказываниями.

– Когда они выпишут твоего папу?

– Сказали, завтра утром.

– А они проводят стандартную проверку для плюс шестьдесят? Память, ориентация и все такое?

– Не знаю... – Ей вовсе не хотелось делиться своими проблемами с Эндрю.

– Попроси, чтобы сделали. Никогда не бывает слишком рано. Вспомни свою бабушку... или я что-то путаю?

Нет, Эндрю не путал. Попал в самую точку.

Если бы Селия не была свидетельницей угасания бабушки, матери отца, выбрала бы, наверное, другое направление. Но тогда она дала себе клятву: во что бы то ни стало найти способы лечения этой болезни. Любой ценой. Дни и ночи работала, копила деньги на Гарвард, а после выпуска потребовалось еще несколько месяцев таких же бешеных усилий, чтобы попасть в лабораторию Эндрю. Селия помешалась на этой болезни. Борьба с альцгеймером стала одновременно и целью жизни, и способом существования. У нее просто не было времени – болезнь не ждет, пока кто-то найдет способ лечения.

А бабушка выцветала, как яркая ткань на солнце, – так же медленно, незаметно. Исчезали слова, угасал взгляд, а в последние месяцы она стала живым мертвецом. Двигалась как и раньше, моторика сохранилась, даже мелкая, но все, что делало ее человеком, личностью, исчезло бесследно.

Человек без мозга.

А ведь бабушка всегда была невероятно живой и общительной. Она приняла на себя общую боль после развода отца с матерью, давала мудрые советы и примиряла – кто бы еще такое выдержал?

Развод... Отец завел интрижку с женщиной на Кейп-Код, у которой работал садовником, – что может быть банальнее? Муж этой дамочки что-то там делал в финансовой отрасли, и кончилось все катастрофой для всех, кто был как-то замешан в эту историю. Мать не могла простить измены, забрала Селию к родителям в Лоуэлл. Решила начать жизнь сначала. Мало того – хотела запретить Селии встречаться с отцом, но тут вмешалась бабушка. Все те черные месяцы она без устали вызвала к остаткам разума у детей.

И победила.

Да, вот такой была бабушка. Сильнее, добрее и мудрее всех. Была... пока альцгеймер не высосал из нее всю мудрость и доброту.

Сначала она стала другим человеком, а потом вообще перестала быть человеком.

Вот такая болезнь, изобретенная, несомненно, самим дьяволом. На сегодняшний день Селия, по-видимому, знала про эту болезнь больше, чем кто-либо во всем мире, но каждый раз, когда она видела, как медленно падает в пропасть внешне совершенно здоровый человек, у нее непроизвольно сжимались кулаки.

– Я сделаю все что нужно, только скажи, – неожиданно тихо сказал Эндрю. Очки опять заняли весь дисплей. Серьезный, соболезнующий взгляд – он все понял. – У меня хорошие связи, не мне тебе говорить.

Селия молча кивнула.

– Поговорим попозже...

Подождала продолжения, но Эндрю помахал рукой, и экран погас.

Она вдруг поняла, насколько устала. Села на стул и обвела взглядом лобби госпиталя.

– Опять я здесь сижу... – прошептала она, и по щекам покатились не приносящие облегчения слезы.

* * *

Селия улыбнулась и кинула отцу картонную коробку с бейсбольными карточками. Он довольно ловко ее поймал и наградил дочь серьезным взглядом.

– Даже не думай. Сохрани.

Она присела рядом и открыла коробку. Вся цветовая гамма шестидесятых.

– Здесь же сотни карточек, папа! Зачем они тебе?

– Бейсбольные карточки могут стоить миллионы. Давай-ка поглядим, что у нас тут.

Она взяла одну карточку. “Гэри Нолан”. Имя ей ничего не говорило. А это что? “Цинциннати Редс”. Заглянула в коробку, не зная, как себя вести – то ли ужасаться, то ли изобразить восхищение. Отец, оказывается, заядлый коллекционер. Или, может, бабушка не отличалась фантазией при выборе подарков.

– Я же ни разу не видела, чтобы ты открывал эту коробку! И вряд ли когда-нибудь откроешь опять.

– Ты в этих делах ничего не смыслишь, Тыковочка. Я слышал про одного парня в Коннектикуте, тот за бесценок купил старую развалюху. В жутком состоянии, завалена черт знает чем – помер какой-то спятивший барахольщик. Начал разбираться, пришла очередь кухонного диванчика – знаешь, есть еще такие, сиденье поднимается, и там годами копится всякая ерунда. Смел паутину, а в ящике полно таких коробок. С бейсбольными карточками. Старинные, с тысяча девятьсот одиннадцатого года. Тай Кобб, оригинал. Знаешь, сколько он за это получил?

Селия пожала плечами:

– Откуда мне знать. Тысячу баксов? Десять тысяч?

У Теда весело заблестели глаза, и он для убедительности произнес сумму по слогам:

– Три-ста ты-сяч долларов. Триста тысяч!

Селия пригляделась к выцветшей карточке в руке отца. Парень в ярко-красной бейсболке поднял руку в кожаной перчатке в победном жесте. Типичный герой шестидесятых – круглолицый, излучающий невинность и несокрушимый американский дух.

– По-моему, фанаты бейсбола слегка не в своем уме. Объясни, может, я что-то не понимаю. Миллионы психов держат миллиарды подобных карточек в гардеробах – и ты хочешь сказать, что этот хлам имеет какую-то ценность?

– В бейсболе твоя логика бессильна, Тыковочка, – ласково улыбнулся Тед.

Селия рассмеялась. Все это настолько глупо и нелепо, что наверняка так и есть: логика бессильна. И папа сегодня замечательный – веселый, остроумный, как когда-то.

– Окей, тогда сделаем так: переложим карточки в пластиковую коробку и поставим в гараже. Что ей делать в платяном шкафу?

– В гараже слишком влажно.

– Крышка же герметичная!

Тед решительно затряс головой:

– Ни за что. Можешь отправить в гараж все что хочешь, только не это.

Селия вздохнула, но спорить не стала. Все утро она помогала отцу прибираться. Запустила стиральную машину, навела порядок в холодильнике. Ни единого протеста – пока не добрались до заветного гардероба в спальне. Тед Йенсен всю жизнь любил порядок. Пока не заболел, регулярно пылесосил, образцово застилал постель, в кухне никогда не копились горы немытой посуды. Но что есть, то есть – терпеть не мог что-то выбрасывать.

Селия поставила ящик с карточками на пол и опять нырнула в шкаф. Штабеля обувных коробок, пара чемоданов. Если бы здесь жила женщина, можно было бы одобрительно кивнуть – да, эта дама знает толк в обуви. Но в отцовских коробках башмаков не было. Первая же оказалась набитой газетами.

- Это мы сдадим в макулатуру, – пробормотала она и понесла коробку в прихожую.
- А что там?
- Журналы. “Катера и яхты”.
- Нет-нет. Верни на место.
- У тебя же в жизни не было катера! И тем более яхты.
- Хорошие журналы. Посмотришь на такую посудину – и сердце радуется. Тем более мне

их подарил Рик.

- Ладно... – Селия вытащила чемодан и достала старый вентилятор.
- По-моему, он давно сломался.
- Ничего не сломался. В жару незаменимая вещь.
- У тебя же теперь кондиционер! Выкидываем.

Кроме вентилятора, в чемодане лежали радиоприемник, пара древних электрических будильников и наушники с навечно перепутанными проводами. Все это тоже отправилось в прихожую.

К ее удивлению, отец не протестовал. Повернулся к окну и, судя по всему, полностью потерял интерес к происходящему.

Ее окатила волна тревоги, даже в животе стало холодно. *Только не исчезай.*

Но нет. Он вглядывался в сетку дождя за окном.

– Опять со снегом. Упрямая зима выдалась.

– Да... – От сердца отлегло: совершенно уместное замечание. Сдаваться рано. – Даже не припомню такую, – подтвердила Селия, – метет и метет.

Она не без труда размотала ленту скотча на следующей коробке. Среди старых солнцезащитных очков, рамок для фотографий и давнишних журналов, опутанных отслужившими свое кабелями, обнаружился большой желтый медвежонок.

Селия засмеялась:

– Мистер Кадлс! – Достала медвежонок и осторожно стряхнула пыль на подстеленную газету. Клетчатая ковбойка и штанишки на подтяжках.

– Этого старичка можешь взять себе, – неожиданно проявил великодушие Тед.

– Не думаю... Посмотри – вот здесь уже плесень. И здесь.

– Очень жалко...

– Очень жалко, очень жалко, но по мишке плачет свалка, – срифмовала Селия и улыбнулась.

– Слышишь, мишуля? Вот так и бывает, когда состаришься. Чуть пахнёт от тебя плесенью – и будь любезен на свалку. Никому ты больше не нужен.

У Селии потеплело на сердце. Болезнь болезнью, но как прекрасно, что отец сохранил чувство юмора.

Коробок больше не было. Она начала перетряхивать одежду. Много тонких сорочек, какие-то из них она никогда раньше и не видела. Работал отец в грубых штанах со множеством карманов – того цвета, что принято называть то хаки, то камуфляжным, и в куртке такого же цвета и тоже с карманами. А в свободное время предпочитал джинсы и футболки. Или, если прохладно, флисовые джемперы с кожаными заплатками на локтях. Вот они и висят, все в мелких катышках после бесчисленных стирок.

Всё на выброс.

Открыла вторую дверцу и чуть не ахнула.

Женские платья.

Сначала она подумала, что платья мамины. Вот это, с вышитыми цветами. И вот это, черное, без рукавов. Но рядом? Это еще что? Лоснящееся, пронзительно-зеленое, усыпанное блестками платье с красным поясом. Нет, это невозможно, мама ни за что не надела бы такое. Должно быть, это платье Лоретты, она когда-то была папиной подружкой. Селия на секунду

закрыла глаза и представила щедро накрашенную физиономию, высоко взбитые пергидрольные локоны. Так-то так, но Лоретта была невероятно добра, и один вид ее вызывал улыбку. Наверное, поэтому и нравилась отцу. Она работала приходящей няней, все дети поселка ее обожали.

После Лоретты у папы женщин не было. Селия не знала, почему они разошлись.

– Это платья твоей мамы, – тихо сказал Тед.

Она резко повернулась и посмотрела ему в глаза.

– Да-да. – Отец несколько раз кивнул, медленно и печально, и отвернулся.

И Селия вспомнила: вот это, на пуговицах, было на маме, когда они ездили в Диснейленд. Бассейн в гостинице, причудливые соломинки для коктейлей. Ей подарили ярко-желтого Плуто и ободок с Минни-Маус. А мама с папой ночи напролет сидели на балконе и разговаривали.

Это была единственная их совместная поездка. Вечно не хватало денег.

Селия подняла подол платья и поднесла к лицу. Запах не сохранился – как он мог сохраниться за столько лет?.. – но на глаза навернулись слезы. Она почти никогда не вспоминала мать. Ни мать, ни бабушку. Нельзя постоянно тосковать о мертвых. Но сейчас перед глазами встала пронзительно яркая картинка: мать что-то напевает, иногда переходя на ласковое бормотание, и они с Селией кружатся по комнате. Именно в этом платье. *Мой лягушонок...*

– Не выбрасывай, – попросил Тед. – Возьми себе. Все-таки память.

– Они мне малы... – прошептала она, едва удерживаясь, чтобы не разрыдаться.

– Как хочешь...

Селия сняла платье с вешалки.

– А почему она не забрала их с собой в Лоуэлл?

– Понятия не имею. Забыла, должно быть. Хорошо бы кофе выпить. – Тед поднялся и вышел.

Селия не двинулась с места. Прислушалась, как отец гремит чашками в кухне.

Аккуратно сложила платья и присоединила к вещам для Армии спасения. Оставила только бордовый шарфик и повязала на шею медвежонку.

– Теперь ты красавец.

И пошла в кухню к отцу.

* * *

– Залез под кровать, представляешь? – Майра пошевелила пальцами. Девушка-маникюрша усердно водила кисточкой, накладывала вишнево-красный лак. – Закатилось у него что-то... И застрял.

– О господи...

Гейл сидела за соседним столиком. Поглядела на подругу и тут же попросила бесцветный лак.

– Застрял – и ни туда ни сюда.

– Ужас какой.

Майра – бывшая жена одного из сотрудников Роберта, постепенно ставшая ближайшей подругой. Они то и дело договаривались о ланчах, вместе посещали салоны и бутики. К тому же и жили в двух шагах друг от друга. После развода Майра продала дом в Честнате и переехала в небольшой пентхаус по соседству. Ее бывший муж не отличался здоровьем – гипертония, стенокардия и еще что-то. Майра развелась с ним лет десять назад и утверждала, что главная причина его болячек – то, что он спит с кем попало.

– Представляю, как он запаниковал. И телефона же нет, не каждый берет с собой телефон, когда лезет под кровать в трусах. И что ты думаешь? Инсульт.

– О боже!

– Его нашла девушка, та, что у него убиралась. Но было уже поздно.

– Как он мог застрять?

– Старинная латунная кровать, знаешь, такое чудовище, весит, наверное, не меньше тонны. Одна кованая решетка чего стоит. Ты его видела в последнее время? Он очень растолстел.

– О боже, – повторила Гейл. – Какой кошмар!

– Ужас, ужас! Никто не заслуживает такой смерти. Никак не могу избавиться – картина так и стоит перед глазами. И похороны целиком на мне. Элли и Ричард приехали, конечно, но всем занимаюсь я.

– Как они?

– Со мной они на эту тему не разговаривают. Считают, что это я во всем виновата. Никто иной, разумеется. Только я.

– Майра! Не может быть!

– Как есть, так есть. Ничего с этим не сделаешь.

– А когда назначены похороны?

– В среду. Сегодня же всех обзвоню. Тебе-то надо было бы и пораньше позвонить, прости меня. Все так неожиданно. Понимаешь, нынче первый раз выбралась, надо хоть немного себя привести в порядок.

Гейл кивнула – что тут не понять? Майра из тех женщин, что записываются на определенное время к парикмахеру на год вперед. Стрижка каждые восемь недель. И Гейл никогда не видела ее без макияжа. Маникюрный салон через пару дней после смерти мужа, даже бывшего, – абсурд, конечно, но не для Майры. Для Майры вполне нормальный поступок.

– Уборщица позвала людей. Несколько парней, целая команда. Подняли эту жуткую кровать и вытащили тело.

– О боже... – Гейл уже в третий или четвертый раз повторила эту бессмысленную присказку, но как еще можно реагировать на этот абсурд? Залез под кровать и умер...

– Окей, девушки. Сушить надо пора, – сказала маникюрша с неопределимым, но сильным акцентом. Придвинула сушильный аппарат и сделала знак Майре: – Руки здесь.

– Какое несчастье, Майра. Чем я могу помочь?

– Спасибо, дорогая. Справлюсь.

– Когда ты говорила с ним в последний раз?
– Месяца два назад. А может, три. У нас не было почти ничего общего.
– Ему кто-то помогал?
– Нет, что ты? Зачем? Он прекрасно справлялся сам. Только эта девочка, которая приходила убираться. И сердце прекрасно работало. Пил, конечно, лекарства, но ни на что не жаловался. Никто не ждал, что может случиться что-то подобное.

– Трагедия.

Майра пошевелила пальцами в сушилке.

– А как Роберт?

– Ничего... Как обычно.

Гейл ничего не рассказывала Майре. Не решалась.

Маникюрша приветливо улыбнулась Гейл:

– Вы теперь в очередь.

Майра поднялась со стула. Гейл заняла ее место и сунула руки в аппарат. В ультрафиолетовом свете кожа выглядела бледной и морщинистой.

И я старею, подумала Гейл без горечи.

– Роберту повезло, что у него есть ты. Когда мужчина в этом возрасте остается один, ему конец. И мы не лучше. Возраст, Гейл, возраст... Поскользнусь в кухне на банановой кожуре и буду лежать до второго пришествия.

– Что ты несешь? Ты же здорова, как Майк Тайсон!

– Сегодня – да. Но никаких гарантий на завтра.

– Готово. – Девушка выключила сушильный аппарат. Запах озона почти мгновенно исчез.

– О боже! Вы слышали?! – истерический вопль у дверей салона.

Гейл обернулась. В зал влетела молодая женщина с вытаращенными глазами.

– Стреляют! Настоящая бойня! – Она поставила на стол картонную коробку с четырьмя картонными чашками “Старбакс”. – Где у вас пульт?

Схватила пулт управления и нажала на кнопку. На огромном, в полстены, экране возникла зеленая точка, и через несколько секунд появилось изображение.

– Кто-то расстрелял магазин. Много убийств.

И у этой проблемы с английским. *Расстрелял магазин...* Гейл и Майра переглянулись.

– Запирать? – предложила маникюрша.

– Что запирать? Это в Бостоне. – Гейл в ужасе уставилась на экран.

– Стаутон, – прочитала Майра титр. – Это же *IKEA*!

У входа в шведский мебельный гигант выстроились десятка два больших белых машин “скорой помощи” и не меньше полицейских. Бешено вращающиеся мигалки. Типичное здание: огромный синий куб с пятиметровыми желтыми буквами – национальные цвета Швеции. И, чтобы не было сомнений, по обе стороны от огромных раздвижных дверей полощутся яркие желто-голубые флаги.

Гейл была когда-то в *IKEA*. Запомнился очень вкусный копченый лосось в ресторане. Прекрасно организованный, гигантский, но на удивление удобный магазин. Молодцы скандинавы.

Майра отвернулась от экрана:

– Не хочу смотреть. Безумие, безумие и еще раз безумие. Когда это кончится?

Гейл промолчала. Она не отрываясь смотрела на желтые носилки с ранеными, которые выносили из магазина. Некоторые укрыты с головой – видимо, убитые. Появилась картинка с дрона – нескончаемые очереди машин.

– Мы за прилавок бросились, – задыхаясь, рассказывал репортеру пожилой мужчина с заплаканными глазами. – Слышали только – бах, бах. А детей-то сколько, боже мой... кто под шкафы попрятался, кто под матрасы. Кто-то из ребят в палатке скрылся, он подошел и...

Закрыв лицо и заплакал. Репортер кинулся к другому свидетелю.

В нижней части экрана бежали написанные наспех, без знаков препинания титры:

**КРОВАВАЯ БОЙНЯ В *ИКЕА* ДЕВЯТЬ ПОГИБШИХ ОДИННАДЦАТЬ РАНЕНЫХ
НАПАДАВШИЙ УБИТ ВЫСТРЕЛОМ ПОЛИЦЕЙСКОГО**

Майра встряхнулась, точно отгоняя жуткое видение, и подняла с пола сумку.

– Я хочу домой, – пробормотала она.

– И я. – Гейл резко встала, будто только и ждала этих слов.

Конечно же, должен высказаться президент. Обязательно выскажется – дайте время спичрайтерам и визажистам. И что скажет, тоже можно догадаться.

Сейчас не время обсуждать контроль за оборотом огнестрельного оружия.

Хватит. Гейл заплатила, добавила больше чаевых, чем обычно, и сняла с вешалки пальто. Уже у дверей повернулась и глянула на экран. На фоне занимающего весь кадр синего куба *ИКЕА* под непрекращающийся вой сирен по-прежнему сустились полицейские и paramedics.

* * *

Селия с ногами забралась в кресло перед телевизором. Воскресенье. Опять пошел снег, но она даже не замечала медленный балет снежинок – не могла оторвать взгляд от ежеминутно появляющегося титра:

СЕМИДЕСЯТИСЕМИЛЕТНИЙ УБИЙЦА ПРИОБРЕЛ ОРУЖИЕ ЛЕГАЛЬНО, ПО ЛИЦЕНЗИИ.

Значит, бойню в *IKEA* устроил старик из Уинтропа... Убит полицейскими на месте. Теперь уже не спросишь, почему ему пришлось в голову явиться в детский отдел и открыть беспорядочный огонь. Никаких манифестов в социальных сетях, хотя, скорее всего, он ими и не пользовался – все же семьдесят семь лет.

Селию передернуло. Семьдесят семь! В этом возрасте вряд ли начинают карьеру серийного убийцы. Она даже порыскала в интернете, пробила “средний возраст серийных убийц в Америке”, нашлось много статей. Вполне достаточно, чтобы построить достоверную статистику.

– Скандально много, – прошептала она вслух и вскоре выяснила: среднестатистическому массовому убийце тридцать два года.

Не снимая ноутбук с колен, Селия уставилась на экран. А ведь у них в одной из групп были пациенты из Уинтропа, и как раз в этом возрасте. Один из стариков постоянно твердил о грядущих наводнениях библейского масштаба. Через пару десятилетий все уйдет под воду. Даже казино, даже старинный ипподром, на восстановление которого коммуна потратила много миллионов долларов. И особую ненависть он испытывал к серфингистам: те-то выживут. Этим негодьям никакие цунами не страшны.

Имени убийцы пока не назвали, показали только беглую картинку – старик с седой шевелюрой. Селия попробовала вспомнить внешность того проповедника нового всемирного потопа, но так и не смогла. Попыталась себя уговорить: у нас столько пациентов, что всех не упомнишь. И еще: когда ты молод, все старики похожи друг на друга. Почему-то эта мысль показалась ей обидной, уж она должна бы различать, ведь это дело ее жизни – старики.

Запел сигнал “Скайпа”. Она, поискав, как всегда, пульт, выключила звук на телевизоре и нажала кнопку ответа. Эндрю Нгуен – в футболке с короткими рукавами, в высшей степени необычное зрелище. Как правило, тщательно выглаженная сорочка, пиджак, иногда даже галстук, но сегодня воскресенье, он дома, так что удивляться нечему. За спиной на стене детский рисунок: кит, выпускающий непомерно огромный фонтан.

– Встреча была перенесена на завтра, на восемь утра. Хотел послать сообщение, но увидел, что ты в сети.

– Убийца в *IKEA* из Уинтропа. Тело только что вынесли. Семьдесят семь лет.

– И что?

– А если это один из наших пациентов?

– С чего бы? Из Уинтропа у нас прошло всего несколько человек.

– Старик под восемьдесят берет карабин и палит во все, что шевелится? Просто так, без причин? Маловероятно.

– А Лас-Вегас помнишь? Тому тоже было около шестидесяти.

– Не знаю... увидела, и что-то шевельнулось. Ты сам не видел эти кадры?

– Как-то не было возможности. – Эндрю покачал головой и поправился: – То есть видел, конечно. Вряд ли это кто-то из наших.

Селия покосилась на телеэкран.

– Все время думаю о той мышце...

– Мыши! – Эндрю хмыкнул, то ли возмущенно, то ли насмешливо. – Кончай. Ты, должно быть, не в настроении.

– Отец все утро не брал трубку. Ждала не меньше четверти часа – длинные гудки. Соседи говорят, он не в себе. И сейчас, по телевизору... Нашли каких-то знакомых, они говорят слово в слово: преступник был не в себе. Дезориентирован, сказал репортер. Блеснул научным словом.

– У тебя слишком живое воображение, Селия. Ну хорошо, хорошо, проверю, я сегодня не следил за новостями – младший приехал на каникулы, и мы не включали телевизор. Но повторяю: никаких причин для беспокойства.

Эндрю не так чисто выбрит, как обычно, и эта мятая футболка... С чего бы он заговорил о своей семье? Никогда раньше такого за ним не замечалось. Сыновья уже взрослые, старший – врач в Балтиморе, младший учится в Стэнфорде. Жену Селия никогда не видела, он ни разу не приводил ее на работу, даже на традиционные рождественские посиделки. Только фотография в конторе – миниатюрная изящная женщина, красивая особой азиатской красотой.

– Ладно... – примирительно сказал он. – Завтра поговорим.

Неприятное чувство не исчезло. Эта копна седых, изжелта-белых волос... Слишком много разговоров с Адамом. Бедняга никак не может прийти в себя после того случая с самоубийством. Селию не оставляло ощущение, что Адам считает себя в какой-то степени виновным. А теперь этот комплекс вины накрыл и ее.

Она покосилась на телеэкран, где по-прежнему беззвучно двигались люди на фоне огромного здания. Ярко-синие, почти как на детском рисунке, стены выглядели пугающе – такие контрасты эксплуатируют почти все создатели фильмов ужасов. Теперь само сочетание букв *IKEA* всегда будет напоминать этот кошмар.

– Да, хорошо, завтра, – вяло согласилась она и тут же выпалила: – Он стрелял и стрелял, не останавливаясь и не задумываясь. Господи... и все эти дети...

– Успокойся! – почти крикнул Эндрю. – Выключи к чертовой матери телевизор и пойдешь подыши воздухом. Увидимся! Завтра! Завтра – ты поняла?

Разговор прервался.

Селия некоторое время смотрела на черный дисплей, потом пожала плечами и выключила телевизор.

Надо и в самом деле прогуляться – Эндрю прав.

Не успела одеться, как опять ритмичный, состоящий всего из двух нот мотивчик “Скайпа”. Забыл что-то сказать?

Нет, на этот раз Дэвид. Селия невольно улыбнулась и, перед тем как ответить, заправила выбившуюся прядь волос за ухо. Села на пол, поставила ноутбук на колени и кликнула по кнопке.

Дэвид, должно быть, держал телефон у самого носа – его физиономия заполнила весь экран.

– Как дела?

– Никак не очухаюсь. Ты видел *IKEA*?

– Черт знает что.

– Говорят, он был не в себе... – задумчиво произнесла Селия. – Не могу отделаться от ощущения, что этот старик мне кого-то... – Оборвала себя на полуслове. Как сказал Эндрю? *Слишком живое воображение*. Лучше не трогать эту тему.

– Нгуен прислал мне ссылку на завтрашнее совещание. К сожалению, у меня не будет времени – у нас летучка в лаборатории, даже две подряд. Но я все равно собирался тебя отловить.

– Отловить?

– Вот именно, отловить. Завтра же, после всех этих разговорен. Поэтому и звоню. Прочитай твою статью – блеск! Потрясающе! Ну и работку ты провернула...

Селия польщенно улыбнулась.

– Блеск, по-другому не скажешь, – повторил Дэвид. – Лучшее из всего, что я читал в последнее время. Насчет публикации даже не сомневайся – с руками оторвут.

– Может, оторвут, а может, оторвут только руки, а статью в корзину. Ты необъективен.

Но что правда, то правда – она работала над этой статьей очень долго. Искала контраргументы, планировала новые эксперименты – с ее точки зрения, не подкопаешься, но ведь есть и другие точки зрения. Труд вложен огромный, и Селии было приятно, что Дэвид это отметил.

– Твое имя должно стоять первым.

– Перестань, Дэвид. Это же твоя идея.

– Идея была маленькая и глупая, но ты подняла ее на такой уровень, что теперь не только идея, но и я сам кажусь себе очень умным. И стиль великолепный. Давно не встречал такой... даже слово трудно подобрать... такой *ясности*. Ясности мысли. Ве-ли-ко-леп-но! Кстати, я уже поменял наши фамилии местами.

– Ну зачем ты...

– Я же говорю – уже поменял. И для тебя это важнее. Я знаю. Публикация в *Nature* – и прибавка обеспечена. Тысяч двадцать в год, не меньше.

Спору нет, деньги ей очень нужны. Молодец, Дэвид. Догадался.

– Спасибо.

– Я не просто восхищен, но еще и завидую. Не хочется признаваться, но что делать – зависть пока еще никто не отменял.

Она засмеялась и почувствовала, как загорелись щеки.

– Так что извини, что звоню в воскресенье, но просто не смог удержаться.

– Ничего страшного. Никаких воскресных дел у меня нет.

– Какое совпадение! И у меня нет.

– Решила пойти прогуляться.

– Еще одна ошеломляюще прекрасная идея.

Оба засмеялись. Дэвид помахал рукой перед камерой и отключился.

Селии сразу стало легче на душе. Подумать только, Дэвид, всемирно известный ученый, так высоко оценил ее работу! Натянула толстый свитер. Сборы недолгие: куртка, сапоги, вязаная шапочка. Выскочила из подъезда, остановилась на крыльце и с наслаждением вдохнула сырой, колючий воздух. Уже не так холодно, снежинки мгновенно тают на одежде. Снег кончится, и к вечеру все растает.

Спустилась к станции метро на Чарльз-стрит. И все же – как там отец? Почему не отвечает? После пятничного разговора осталось чувство беспокойства: отец постоянно путал и забывал слова. Взять хотя историю про почтальона: тот якобы оставил у него на крыльце чужой пакет, но потом оказалось, что пакет не чужой, а его, а почтальон, как выразился отец, *не соизволил его доставить*. Что именно произошло, был пакет или нет, доставил – не доставил, она так и не поняла. Селия никак не могла привыкнуть к резким изменениям состояния отца. Сегодня совершенно нормален, а завтра – другой человек. *Не в себе*.

Но молчание еще хуже. Почему он не отвечает?

Она постаралась отбросить дурные мысли.

На улице почти никого. Возможно, люди еще не пришли в себя после кошмарного побоища в *ИКЕА*. И погода не располагает к прогулкам.

Позвонить, что ли, Мохаммеду? Выпить кофе, поболтать... Селия уже достала телефон, но тут же передумала. Не то настроение, да и он наверняка где-то проводит время с друзьями. Или сходить в кино? Отвлечься, подумать о чем-то другом. Сесть на метро – две остановки до кинотеатра на Кендалл-сквер.

Перебежала улицу, зашла на станцию и взглянула на табло – две минуты до следующего поезда.

Надо позвонить отцу.

И он взял трубку! После первого же гудка.

Какое облегчение... Оказывается, смотрел любимый полицейский сериал и не слышал телефон. По воскресеньям телевизионщики устраивают марафон – три или четыре серии подряд.

Селия забежала под навес и пропустила поезд.

Снег перешел в дождь. Начало темнеть, хотя вроде бы еще рановато – только-только перевалило за полдень.

Отец в прекрасном настроении. Он обожает эти сериалы. Да и читает преимущественно детективы, на полке теснятся десятки глянцевого корешков.

Она как-то спросила – не надоело ли? Какой ни откроешь, одна и та же история... Спросила мимоходом, не ожидая ответа, но отец неожиданно произнес в защиту длинную адвокатскую речь. По его мнению, человек показывает свое истинное лицо только в критические моменты. Герои сопротивляются, остальные падают как кегли. Все как в жизни. Кто-то верен своим идеалам до самой смерти, кто-то плывет по течению и перекладывает ответственность на других. Люди продают свою свободу. Или еще хуже: покупают чужую. Да, есть поклонники так называемой интеллектуальной литературы, но обычные люди не тратят время на созерцание собственного пупа, у них просто нет такой возможности. У настоящих героев нет времени на рефлексию, им надо просто бороться со злом. Кто-кто, а герои знают лучше всех, что *зло существует и с ним надо бороться*.

Селия прекрасно понимала, что отец идентифицирует себя с борцами за справедливость.

Хорошо бы он оставался таким всегда. Самим собой, веселым, живым. И пусть смотрит всю эту ерунду по телику – даже бездарные сериалы помогают размышлять и выстраивать догадки в логические цепочки.

Неужели ничего нельзя сделать? Уже в сотый раз приходила ей в голову эта мысль, но пока у нее не было стопроцентной уверенности в их препарате.

Селия тут же расхотела идти в кино. Лучше сначала посмотреть хотя бы кусок сериала, именно того, что смотрит отец, а потом поразмышлять.

* * *

На дисплее раннее утро. За темным, со светящимися контурами силуэтом статуи Свободы из океана медленно поднимается огромное, еще неяркое солнце, а на часах Адама уже полдень. Сквозь закрытые жалюзи сочится тусклый зимний свет.

В левом нижнем углу экрана – его собственная физиономия. Надо бы постричься и выкинуть наконец дурацкое худи с надписью *New York Yankees Baseball*. Совершенно не его стиль – купил в аэропорту Нью-Йорка, потому что замерз. Хотел выбросить сразу, но в лаборатории довольно холодно, а штука эта теплая и, надо признаться, удобная. Вообще-то на бейсбольном матче он был всего раз в жизни, и то в девятилетнем возрасте.

Видеоконференцию созвали в срочном порядке. Дэвид Мерино, Лаура Либер, второй профессор и еще двое. Лаура совсем недавно родила первого ребенка.

Ты поспала хоть час за эти две недели? – Нет.

Общий смех.

Дэвид прокашлялся и поднял ладонь – пора начинать.

– *IKEA*.

Сказал – и замолчал. Улыбки как ветром сдуло.

Только что опубликовали личные данные преступника.

Вдовец. Семьдесят семь лет. Жил в пригороде Уинтроп к югу от Бостона. Криминального прошлого не выявлено.

Но главное вот что: Фред Ньюмэн страдал синдромом Альцгеймера и входил в группу добровольцев, на которых испытывали первые образцы *Re-cognize*. Худшие опасения Адама оправдались.

– Надо было остановить серию сразу после Люийе, – сказал он.

– А Люийе-то тут при чем? – В голосе Дэвида Адаму послышалась нотка раздражения.

– Не после Люийе, а после мыши, – задумчиво произнесла Лаура. – С этой мышью... темная история.

– У нас тома данных об этой взбесившейся мыши, – сказал Дэвид. – Ничто, никакие параллельные исследования не подтверждают, что причиной агрессии был *Re-cognize*. То же самое с Люийе. Вспомни, Адам: Франсуа Люийе оказался полностью резистентным к препарату. *Re-cognize* на него не действовал никак.

– Возможно... – Лаура пожала плечами. – Мы опрашивали всех, кто его знал. И все в один голос говорят: совершенно уравновешенная психика. Как заметил кто-то из его знакомых, уж кому-кому, а Люийе мысль о самоубийстве никогда бы и в голову не пришла.

– Все говорят, все говорят... – передразнил Дэвид и взмахом руки будто отогнал назойливого комара. – Да еще в один голос... При чем здесь все? Надо думать своей головой.

Лаура обиженно поджала губы.

Все-таки Дэвид свинья. Даже на экране видно – Лаура еле жива от усталости. К тому же мало кто сравнится с ней по эффективности. Но, как любой женщине, ей приходится работать вдвое больше и показывать вдвое лучшие результаты.

– Лаура права, – твердо сказал Адам. Кто-то же должен встать на защиту. – Рано или поздно они доберутся до истории болезни.

– Это конфиденциальный материал.

– Конфиденциальный? Ты, видно, не в курсе или забыл. Старик ворвался в *IKEA* и в буквальном смысле казнил несколько человек. Детей! О конфиденциальности никто и не вспомнит.

– Проглядели дефект в вирусе?.. – предположила Лаура. – Тогда...

– Какой еще дефект! – опять прервал ее Дэвид. – Дураку понятно, *Re-cognize* тут ни при чем. Один человек... *Один!* Вспомни, сколько их у нас. К тому же он прошел курс несколько месяцев назад. Даже если какой-то побочный эффект и мог возникнуть, что вряд ли, за такой срок он непременно бы исчез. Просто психически нездоровый человек. Как и Люийе. Пусть копают на здоровье, да никто и копать не будет. Кончайте с конспирологией, ребята.

– Он расстрелял девять человек, – повторил Адам. – Детей! Даже если никакой связи не просматривается, мы должны этим заняться вплотную.

– А ты в курсе, что у него недавно умерла жена? Вот крыша и поехала. А дома целый арсенал оружия. Раз она умерла, то и всем туда дорога.

– В восемьдесят лет такие страсти? Ой, не думаю...

– А что говорят французы? – неожиданно спросил Дэвид.

– Ничего особенного. Короткие заметки. Шестая полоса, десять строк.

– Ну хорошо. Еще один чокнутый американец из бывших битников тронулся мозгами. Вот видишь – даже новостная ценность сомнительная. Мало ли что взбредет психу в голову.

– Он взял с собой пистолет и двинул в детскую зону. *В детскую!* – повторила Лаура. – В игровую комнату... Случай из ряда вон. Не каждому психу такое взбредет. Нет, “в голову взбрело” ничего не объясняет. А при сравнении со случаем Адама...

– Фред Ньюмэн – одинокий старик. Избыточная реакция на смерть жены. Ах так, ты умерла? Пусть тогда никого не будет. И оружие под рукой – вот оно.

– Очень убедительно прозвучит в суде, – пробормотал Адам под нос.

– Что?

Но Адам не стал повторять. Ему показалось, что шеф зацепил что-то важное. Имеет трагедия связь с экспериментом или нет, сказать пока невозможно, но изначально старик был относительно здоров и спокоен, ничто не внушало опасений. Но вот случайный, непредвиденный эмоциональный стресс – умерла жена. Нечто похожее произошло с мышью Селии. Два месяца позитивных сдвигов, да таких, что они уже руки потирали, и вдруг – бац! Сработал какой-то триггер. Знать бы какой.

А Люийе? Должен был бы хотеть жить, а выбрал смерть.

Но в одном Дэвид прав. У нескольких сотен пациентов состояние значительно улучшилось, и никаких признаков агрессии они не выказывали. А вот Ньюмэн...

– Пишут, он был совершенно спокоен, – сказал Адам. – Никаких признаков помрачения сознания, ярости, даже волнения.

– Да, я тоже обратила внимание на этот момент, – сказала Лаура. – Расстрелял детей и неторопливо пошел к лифту. Кнопку нажал. Вел себя как настоящий психопат, начисто лишенный эмпатии.

Действительно, так и писали в газетах: когда у старика кончились патроны, он покатиł тележку к лифту.

Адам вспомнил злосчастную мышь. Та вела себя точно так же, сидела и спокойно грызла морковные пеллеты в залитой кровью клетке. Ни малейших признаков стресса.

Он побарабанил пальцами по столу и посмотрел в окно. После недель бесконечной серости небо начало понемногу проясняться.

– Нам нужен мозг Ньюмэна, – решительно сказал Дэвид, опровергая собственные доводы – дескать, нечего волноваться, случайное совпадение. Очевидно, его тоже грыз червячок сомнений.

– А мы сможем его получить?

Дэвид пожал плечами, приподнялся на стуле и приблизил лицо к дисплею. На экране остались только шевелящиеся губы.

– Он наш пациент. Девять трупов... Да, сможем. Возражений не будет.

* * *

– Два “Джамбо-джамбо”, два “Кеш геймс”, “Лаки скратч”¹⁹. И “Пауэрболл”²⁰.

Кирк Хоган вытащил бумажник. Отодвинул упаковку пива, узкие темные бутылочки жалобно звякнули.

– Хотите выбрать номера? – спросила продавщица.

– Запускай любые. Доверяю. – Он многозначительно покивал и усмехнулся. – Будем ждать тираж. Надеюсь, у тебя рука легкая.

Она сунула бутылку виски в большой бумажный пакет. Туда же отправились чипсы, куриный салат и кошачья еда.

– Выиграешь двадцать миллионов – один мне.

Кирк резко обернулся на голос.

– Калек! Привет. И что ты будешь делать с моим миллионом?

– Как это что? Вино и женщины, ясное дело. – Калек ухмыльнулся и поставил упаковку “Будвайзера” на ленту. – В равных пропорциях.

– Не дороговато ли в нашем возрасте?

– Дороговато? Тебе? Ты не забыл случайно? У тебя же осталось девятнадцать миллионов! Куда тебе столько?

– Хороший дом. Хорошая машина.

– Ну да... и это неплохо.

– И хорошая посуда, – расширил Кирк список, – яхта, как у всех русских миллиардеров. В это время года что может быть лучше? Погрузился – и в южные моря. Да и грузиться не надо, в баре всего полно, и все – только представь! – *все твое*.

Калек достал бумажник:

– Дай-ка и мне “Пауэрболл”. Тоже в южные моря захотелось.

– Само собой. – Девушка за кассой дружелюбно улыбнулась.

Калек и Кирк почти соседи. Оба живут в Бангоре. Домов тут, считай, нет – сплошь трейлеры, куда то и дело навешиваются еноты. Дом Кирка – один из немногих. Калек пару недель в месяц работает дальнотойщиком, иногда помогает на стройках – там они и познакомились. Давно ушел бы на пенсию, но приходится работать – нужны деньги на лечение больной жены. Странно, что при такой физической нагрузке весит он не меньше полутора центнеров, так что и его особо здоровым не назовешь.

А Кирк Хоган безработный. Не так-то просто найти работу с его прошлым. Если бы не Дикки, его бы вообще здесь не было. Сидел бы в каком-нибудь пригороде, даже в пригороде пригорода – в пригородах тоже бывают свои пригороды. Пил какое-нибудь дешевое пойло и горевал о неудавшейся жизни. Но Дикки, можно сказать, его спас. Они работали вместе до катастрофы, а когда все улеглось, уговорил его переехать в Мейн. И жизнь подешевле, и люди покруче. Никто и не смотрел в его бумаги, когда брали на работу.

А потом эта болезнь. Когда стало лучше, было уже поздно. Никто не хотел его брать – возраст. Скоро семьдесят.

Кирк помахал рукой Калебу и пошел к выходу.

– Хоган! – Калек снял с полки маленькую упаковку пастроми и положил на прилавок. – Мы в субботу собрались на зимнюю рыбалку. Присоединишься?

Кирк задержался у дверей:

– Куда? На это озеро, как его... Пушоу? Там одни шуки, больше ничего.

---

¹⁹ Лотереи, где надо соскребать покрытие, так называемые аллегри.

²⁰ Цифровая лотерея.

– Не скажи. Барри в тот раз принес штук пять отличных окуней. Здоровенные, как поросята.

– Боюсь, сейчас там все промерзло до дна.

– Ну нет, – осклабился Кaleb и пошутил: – На дне еще сравнительно сыро. У нас палатка, газовая горелка – не замерзнем. – Он прищурился и внимательно посмотрел на Кирка. – А сам-то как? Как встречаю тебя – удивляюсь. С каждым разом все здоровей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.